Ф. Е. Фортунатовъ.

СТАРОСЛАВЯНСКОЕ

-ТЪ

ВЪ 3-МЪ ЛИЦѢ ГЛАГОЛОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ:
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь 1908. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*

ОРИЕНТАЛЬНЫЙ
ОТДѢЛЕНІЕ
Академія Наукъ СССР

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XIII (1908 г.), кн. 2-я, стр. 1 — 44.

Посвящается

Игнатію Викентьевичу

ЯГИЧУ.

Старославянское -тъ въ 3-мъ лицѣ глаголовъ.

Происхожденіе ст. слав. -*тъ* въ окончаніяхъ 3-го лица ед. и множ. ч. глаголовъ до сихъ поръ не разъяснено. Теперь отказываются уже отъ прежнихъ неудачныхъ попытокъ возводить это -*тъ* къ общеиндоевропейскому личному суффиксу, отличавшемуся отъ -*ti*, или къ -*t*-*и* (съ частичкою *и*), но и объясненіе ст. слав. -*тъ* въ ѥстъ, ведетъ, сѫтъ, ведѫтъ и др. изъ -*ti* также, по моему мнѣнію, не можетъ представляться удовлетворительнымъ. Происхожденіе этого ст. слав. -*тъ* изъ -*ti* признано въ послѣдніе годы напр. Вондракомъ, Бернекеромъ, Педерсеномъ, Бругманомъ, при чемъ ни одинъ изъ этихъ ученыхъ не останавливался на вопросѣ о томъ, въ какую именно эпоху (въ общеславянскомъ ли языкѣ, по крайней мѣрѣ въ его діалектахъ, или же позже) образовалось ъ изъ ь въ ст. слав. -*тъ* въ 3-мъ лицѣ, хотя всѣ они знаютъ, конечно, что общеслав. -*ti* изъ общеиндоевроп. -*ti* въ 3-мъ лицѣ ед. и множ. ч. настоящаго времени засвидѣтельствовано др. русскимъ -*ть*. Мнѣніе о происхожденіи ст. слав. -*тъ* въ 3-мъ л. изъ -*ti* наиболѣе осторожно, но потому и очень неопредѣленно, было высказано Вондракомъ въ его Altkirchenslavische Grammatik (1900 г.). Вондракъ говоритъ здѣсь, стр. 190, что въ 3-мъ л. ед. и множ. ч. ъ отвердѣло въ ъ, въ ед. ч.

можетъ быть подъ вліяніемъ мѣстоименія тъ; «da in den altrussischen Denkmälern das erwartete *-mъ* noch vorkommt, so ist jede andere Erklärung des *-mъ* höchst unwahrscheinlich»[1]). Такимъ образомъ сущность мнѣнія Вондрака сводится къ тому, что онъ не знаетъ, какъ образовалось ст. слав. *-mъ* въ 3-мъ л. изъ *-tъ* и насколько это измѣненіе было фонетическимъ, хотя думаетъ все-таки, что нельзя предполагать для ст. слав. *-mъ* иное происхожденіе, чѣмъ для др. русск. *-mъ*, полученнаго изъ общеиндоевроп. *-ti*. Бернекеръ въ статьѣ, помѣщенной въ Kuhn's Zeitschrift XXXVII, 370, независимо отъ Вондрака пришелъ къ мысли о невозможности отдѣлять ст. слав. *-mъ* въ 3-мъ л. отъ др. русск. *-mъ* и призналъ въ этомъ *-mъ* фонетическое измѣненіе конечнаго *ъ* «unter gewissen, freilich schwer noch eruierbaren sandhiverhältnissen». На вопросъ, почему такому же измѣненію не подверглось въ то же время всякое *ъ* въ концѣ словъ, отвѣтъ представляется Бернекеру не труднымъ: въ другихъ случаяхъ конечное *ъ* не было такъ изолировано, какъ въ *-tъ* въ 3-мъ л., т. е. не было такъ защищено отъ психологическихъ вліяній ассоціаціи и диссоціаціи словъ. Въ случаяхъ гость, конь и т. п. *ъ* сохранилось подъ вліяніемъ косвенныхъ падежей, въ ѥсмь, дамь *ъ* удержалось потому, что иначе форма 1-го л. ед. ч. совпала бы съ 1-мъ л. множ. ч. ѥсмъ, дамъ; въ творит. пад. ед. ч. измѣненію *-mь* въ *-mъ* препятствовало, по мнѣнію Бернекера, *-mи* во множ. ч. Но почему конечное *ъ* не измѣнилось въ *ъ* въ мѣсгн. пад. ед. ч. мѣстоименнаго склоненія на *-mь*, напр. въ ѥмь, томь, или почему въ несклоняемыхъ прилагательныхъ и нарѣчіяхъ на *-ъ*, напр. въ свободь, правь, прѣмь, опать, въспать и др., эта гласная, хотя и защищенная въ такихъ образованіяхъ отъ психологическихъ вліяній со стороны другихъ словъ, все-таки не перешла въ *ъ* въ то время, когда явилось *-mъ* въ 3-мъ л.? Ясно, что извѣстные намъ факты рѣшительно не допускаютъ объясненія, пред-

1) См. теперь также Вондрака Vergleichende Slavische Grammatik, II. Band, стр. 135.

ложеннаго Бернекеромъ для ст. слав. *-тъ* въ 3-мъ л. Кромѣ того, ошибочно думаетъ Бернекеръ, будто измѣненіе конечнаго *ь* въ *ъ* въ окончаніяхъ 3-го л., вызвавшее появленіе ст. слав. *-тъ*, повторилось въ русскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ діалектахъ. Современный русскій языкъ имѣетъ, какъ извѣстно, въ окончаніяхъ 3-го л. мягкое *т* въ однихъ діалектахъ и твердое *т* въ другихъ, но это русское твердое *т* произошло не изъ *тъ*, а изъ *т* полумягкаго (со старою полумягкостью въ положеніи передъ мягкою гласною въ бывшемъ нѣкогда *-ть*), вслѣдствіе того, что полумягкія согласныя въ концѣ словъ фонетически переходили въ соотвѣтственныя твердыя, которыя замѣнялись мягкими лишь подъ вліяніемъ другихъ формъ тѣхъ же словъ; поэтому русскій языкъ имѣетъ напр. дамъ, ѣмъ, творит. пад. ед. ч. домомъ, полемъ, мѣстн. (предложн.) пад. въ чемъ, въ томъ, между тѣмъ какъ напр. въ числительныхъ семь, восемь мягкое *м* перенесено изъ семи, восьми. Сравн. Шахматова «Русскій языкъ» въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона, т. XXVIII, стр. 573[1]). Въ памятникахъ др. русскаго языка написаніе *-тъ* въ 3-мъ л. глаголовъ извѣстно съ конца XIII вѣка (см. Соболевскаго «Лекціи по исторіи русскаго языка», изданіе третье, стр. 116), а въ это время буква *ъ* въ концѣ словъ, понятно, не выражала уже никакой гласной. Современное русское есть=jeśt́, существующее и въ тѣхъ діалектахъ (напр. въ литературномъ), которые имѣютъ напр. ведетъ, съ твердымъ *т* въ концѣ, получило мягкія согласныя подъ вліяніемъ параллельныхъ образованій есте, естя,

1) Въ русскихъ діалектахъ, имѣющихъ *t́* въ окончаніяхъ 3-го л., мягкость согласной произошла, надо думать, не фонетическимъ путемъ; Шахматовъ объясняетъ это *t́* вліяніемъ древнихъ образованій на *-тии* (т. е. *tи̯*), напр. любитии, изъ соединенія глагольной формы 3-го л. съ энклитическою формою винит. пад. ед. ч. мѣстоименія 3-го л. изъ общеслав. *ъjь* «его». Мнѣ кажется, однако, возможнымъ предполагать, что на употребленіе *t́* вмѣсто *t* въ окончаніи 3-го л ед. ч., а отсюда и во множ. ч., главнымъ образомъ повліяло *-ś'* во 2-мъ л. ед. ч. въ то время, когда въ русскомъ языкѣ еще сохранялась мягкость согласной *ш* и когда извѣстно уже было мягкое *т* изъ стараго полумягкаго передъ мягкими гласными

ести, употребляющихся въ различныхъ народныхъ говорахъ, хотя и не сохранившихся въ литературномъ нарѣчіи (см. указанную выше статью Шахматова, тамъ же), а эти образованія произошли, я думаю, вслѣдствіе присоединенія къ есть энклитической формы дательн. пад. *те*, *ти* «тебѣ», сравн. чешск. jesti изъ jest-ti и болѣе новое jestiť (см. Вондрака Vergleichende Slavische Grammatik, II, стр. 137); что же касается вѣсть = *věsť* въ выраженіи Богъ вѣсть, то оно легко объясняется заимствованіемъ изъ церк.-слав. языка (какъ и книжное суть). Такимъ образомъ русск. ведетъ, ведутъ вовсе не однородны по происхожденію со ст. слав. ведетъ, ведѫтъ.

Педерсенъ, въ Kuhn's Zeitschrift XXXVIII, стр. 322, признавая вѣрною мысль Бернекера о происхожденіи ст. слав. *-mъ* въ 3-мъ л. изъ *-tъ*, приводитъ для подтвержденія изъ различныхъ эпохъ въ жизни славянскихъ языковъ пять примѣровъ измѣненія *ъ* въ *ъ* между согласными (и три примѣра для *ъ* изъ *ъ* въ такомъ же положеніи). Такого рода доказательство, однако, не можетъ сдѣлать сколько-нибудь вѣроятнымъ происхожденіе ст. сл. *-mъ* въ 3-мъ л. изъ *-tъ*: на основаніи того, что въ различныхъ славянскихъ языкахъ являлась иногда гласная *ъ* изъ *ъ* между согласными внутри слова, гдѣ могло быть фонетическое вліяніе со стороны слѣдующаго слога, мы не имѣемъ еще права предполагать, что и въ разсматриваемомъ нами ст. слав. *-mъ* конечное *ъ* образовалось изъ *ъ* и при томъ еще тогда, когда *ъ* въ концѣ другихъ словъ оставалось не измѣненнымъ въ *ъ*. И дѣйствительно, примѣры Педерсена ничего не даютъ намъ для объясненія этого ст. слав. *-mъ* и, кромѣ того, требуютъ нѣкоторыхъ поправокъ. Первымъ примѣромъ у Педерсена служитъ «русск.» стогна. Это слово, однако, употреблявшееся прежде русскими писателями во множ. ч. (и чуждое живому языку), есть заимствованное церк.-слав. стъгна, а въ ст. слав. языкѣ мы находимъ стъгна, съ *ъ*, еще въ Зографскомъ евангеліи, въ отличіе отъ стьгна въ Саввиной книгѣ и въ Остромировомъ евангеліи; измѣненіе стьгна въ стъгна въ діалектахъ ст. слав. языка вызвано было

положеніемъ гласной ъ «мéньшаго количества»[1]) передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ твердые звуки, и однородны въ Зографскомъ евангеліи напр. тъма изъ тьма, тъшта, передъ отвердѣвшимъ *шт* въ *шта* (при тьшти), изъ тьшта, сравн. Archiv f. slav. Phil. I, 44 и 45. Ошибочно также приведено у Педерсена въ числѣ примѣровъ для ъ изъ ь «русск.» зодчій; и это слово заимствовано изъ церк.-слав. языка съ *о* изъ ъ. Ст. слав. зьдьчии (не встрѣчающееся въ старыхъ памятникахъ) фонетически не должно бы было получить ъ изъ ь въ первомъ слогѣ (гласная ь имѣла здѣсь по положенію «бóльшее количество», при которомъ ь не подвергалось измѣненію въ ъ даже и передъ твердымъ слогомъ), но подъ вліяніемъ зъдъ при зьдъ «глина; стѣна» и при зьдьчии или зьдчии (съ утратою второго ь) явилось зъдчии; въ зъдъ при зьдъ гласная ъ перенесена была нѣкогда изъ другихъ падежей, гдѣ, напр. въ родит. пад. зъда, она образовалась фонетически изъ ъ «мéньшаго количества» въ то же время, когда *зьдати перешло въ зъдати (съ ъ во всѣхъ древнихъ памятникахъ), такъ что зъдъ изъ зьдъ является однороднымъ напр. съ сѫдобъ въ Синайской псалтыри подъ вліяніемъ ъ изъ ь въ сѫдъба и т. д. или, по отношенію къ ь изъ ъ, съ вьпль въ Саввиной книгѣ подъ вліяніемъ ь изъ ъ въ вьпли и т. д. (см. Щепкина «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги», стр. 209).

Въ дѣйствительно русскомъ примѣрѣ у Педерсена: тонкій гласная ъ получилась изъ ь въ формѣ тънькъ, изъ которой *тън-*,

---

1) Изъ общеславянскаго языка перешли въ отдѣльные славянскіе языки ирраціональныя (т. е. очень краткія, «überkurz» по нѣмецкой терминологіи) гласныя ъ и ь двухъ видовъ по количеству. бóльшаго и мéньшаго количества. Общеслав. ъ и ь имѣли бóльшее количество передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ ъ или ь (или ĭ изъ ь передъ *j*), а при сочетаніи трехъ слоговъ съ ъ или ь бóльшее количество принадлежало ирраціональной гласной средняго слога. Во всѣхъ прочихъ положеніяхъ ъ и ь представляли мéньшее количество и, какъ скоро не имѣли на себѣ ударенія или не сохраняли его впослѣдствіи, являлись гласными слабыми, подвергавшимися утратѣ въ жизни отдѣльныхъ славянскихъ языковъ, поскольку этой утратѣ не препятствовали въ данное время въ данномъ языкѣ другія условія.

тон- перенесено и въ другія образованія, напр. въ тонкій, а въ тънъкъ изъ *tьnъkъ (ст. слав. тьнъкъ) мы находимъ измѣненіе гласной *ь* «ме́ньшаго количества» въ *ъ* передъ слогомъ, заключавшимъ въ себѣ *ъ* «бо́льшаго количества»; сравн. въ русскомъ языкѣ однородное измѣненіе гласной *ъ* «ме́ньшаго количества» въ *ь* передъ слогомъ, имѣвшимъ *ь* «бо́льшаго количества», напр. въ др. русск. сьсьць изъ *sъsьсь (ст. слав. съсьць), а изъ сьсьць *сьс-* перенесено было и въ другіе падежи, напр. сьсьца, сесца и т. д., см. примѣры въ «Матеріалахъ для словаря древне-русскаго языка» Срезневскаго, подъ словомъ съсьць (уже въ Остромировомъ евангеліи встрѣчается разъ сьсьца, гдѣ, впрочемъ, буква *ь* въ первомъ *сь* могла бы быть и опискою). Понятно, что въ ту эпоху, когда русскій языкъ получилъ тънъкъ изъ *tьnъkъ, согласная передъ *ь*, измѣнявшимся въ *ъ*, не имѣла еще полной мягкости, а оставалась полумягкою (со старою полумягкостью, обусловленною положеніемъ передъ мягкою гласною). Правда, въ льгъкъ, откуда легокъ, со старымъ полумягкимъ *л*, не явилось *лъг-* изъ *льг-*, но этотъ фактъ могъ бы свидѣтельствовать, что *l* полумягкое совпало въ русскомъ языкѣ со старымъ *ľ* (изъ общеслав. *ť*, которое получилось изъ *lj*) раньше, чѣмъ другія полумягкія согласныя стали здѣсь мягкими; сравн. въ ст. слав. языкѣ совпаденіе *л* полумягкаго съ *л* мягкимъ въ томъ діалектѣ, который отразился въ Хиландарскихъ листкахъ (буква *л*).

Одинъ примѣръ для *ъ* изъ *ь* взятъ Педерсеномъ изъ польскаго языка, а именно онъ приводитъ польск. debr «долина» (мнѣ извѣстно debrza) при ст. слав. дьбрь, русск. дебрь и считаетъ *ь* въ первомъ слогѣ этого слова звукомъ болѣе древнимъ, чѣмъ то *ъ*, на которое указываетъ польск. языкъ. Педерсенъ не обратилъ, однако, вниманія на то, что и въ Остромировомъ евангеліи мы находимъ дъбрь (самое слово встрѣчается здѣсь только разъ); дъбрь, съ *ъ*, извѣстно также изъ Святославова Сборника 1073 года и изъ нѣкоторыхъ другихъ церк.-слав. памятниковъ русскаго письма (см. «Матеріалы для словаря др. русскаго языка» Срезневскаго). Въ

этихъ памятникахъ ъ въ дъбрь могло быть перенесено изъ ст. слав. рукописей, хотя ст. слав. языкъ имѣлъ также и дьбрь, засвидѣтельствованное различными текстами старославянскаго письма; но и въ др. русскомъ языкѣ при дьбрь существовало и дъбрь, являющееся въ бѣлорусск. добрь[1]). Въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи (какъ указалъ мнѣ А. А. Шахматовъ) напр. подъ годомъ 6655 городъ Брянскъ называется добранескъ: «иде заемъ вси ватичи и добранескъ», въ Хлѣбниковскомъ спискѣ: «добрянскъ»; подъ тѣмъ же годомъ далѣе въ Ипатскомъ спискѣ: «изъ бранъска», въ Хлѣбник.: «изъ добрянска»; подъ годомъ 6654 въ Ипатск. спискѣ: «къ добраньскоу», передѣланное позже въ: «къ дьбряньскоу»; подъ годомъ 6772 въ Ипатск. спискѣ: «и приѣха въ брянескъ», въ Хлѣбник.: «въ добрянескъ»; въ Софійской первой лѣтописи въ сказаніи о побоищѣ на Дону съ Мамаемъ: «дмитрей олгордовичь бряньскый», а по списку Карамзина: «дебряньскый» (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. VI, стр. 91); «бояринъ бряньскый», а по списку Карамзина: «добряньскый» (тамъ же, стр. 96)[2]).

Отношеніе между дъбрь и дьбрь въ славянскихъ языкахъ такого рода, что болѣе древнимъ образованіемъ я считаю дъбрь, не дьбрь, какъ думаетъ Педерсенъ. Въ русскомъ языкѣ дъбрь обратилось нѣкогда въ *дъбьрь (въ связи съ ослабленіемъ ъ въ концѣ словъ), а *дъбьрь фонетически измѣнилось въ *дьбьрь

---

1) Бѣлорусск. добрь приведено Соболевскимъ (изъ «Матеріаловъ» Шейна) въ статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народн. Просв. 1893 г., № 11.

2) Въ Новгородской 1-ой лѣтописи по списку Археографической комиссіи подъ годомъ 6485. «и сопьхнуша Ольга съ мосту въ дебрь», но въ Академическомъ спискѣ: «въ дребъ», въ Толстовскомъ: «въ дребь». Здѣсь, надо думать, смѣшались два различныхъ слова; что касается значенія, то сравн. въ «Матеріалахъ для словаря» Срезневскаго въ одномъ примѣрѣ къ дебри εἰς βάθυνον. Въ Хлѣбниковскомъ спискѣ лѣтописи подъ годомъ 6772 читается: «у романа князя у дрѣбенского» вмѣсто «у брянского» въ Ипатскомъ спискѣ.

(сравн. выше съсѣць), откуда деберь, извѣстное намъ изъ памятниковъ (см. у Срезневскаго); изъ именит. падежа *дьбьрь *дьб-* могло переноситься и въ другіе падежи, напр. въ дьбри вмѣсто дъбри, а подъ вліяніемъ *дьбр-* въ этихъ падежахъ и именит. пад. получилъ дьбрь вмѣсто *дьбьрь (то же мы видимъ и въ другихъ, однородныхъ случаяхъ), хотя вмѣстѣ съ тѣмъ также и фонетическое ъ въ дъбри могло влиять въ тѣхъ или другихъ діалектахъ на измѣненіе въ именит. пад. дьбрь изъ *дьбьрь въ дъбрь. Въ виду того, что старое *dъbrь засвидѣтельствовано языками русскимъ и польскимъ, можно думать, что и старославянскій языкъ получилъ дъбрь, сохранившееся въ Остромировомъ евангеліи, гдѣ вообще ст. слав. измѣненіе гласной ъ передъ нетвердымъ звукомъ въ ь является лишь въ видѣ очень рѣдкаго исключенія[1]). Поэтому относительно ст. слав. дьбрь въ другихъ памятникахъ (въ Зографскомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ слово это встрѣчается по разу) представляется вѣроятнымъ, что въ именит. падежѣ дьбрь гласная ь послѣ *д* явилась подъ вліяніемъ другихъ падежей, напр. дьбри, а дьбри изъ дъбри по фонетическимъ условіямъ измѣненія гласной ъ «мѣньшаго количества» въ ь однородно напр. съ дьвѣ изъ дъвѣ въ Зографскомъ евангеліи или съ бьдѣти изъ бъдѣти въ Зографскомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ; сравн. въ Савв. книгѣ вьпль вмѣсто въпль подъ вліяніемъ другихъ падежей (см. выше), а въ Зографск. евангеліи можно сравнить такой случай, какъ бьдръ вмѣсто бъдръ подъ вліяніемъ фонетическаго ь изъ ъ въ бьдѣти. Въ общеслав. *dъbrь я вижу тотъ же корень, что̀ и вь литовск. dùbti «становиться впалымъ», готск. diups «глубокій» (см. Миклошича Vergleichende Lautlehre der slavischen Sprachen, второе изданіе, стр. 142); сравн. отъ этого корня въ сильномъ звуковомъ видѣ, съ обще-

1) См. Козловскаго «Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова евангелія», стр. 45, и Шахматова «Дополненіе» къ переводу Грамматики старославянскаго языка А. Лескина, стр. 172.

индоевроп. дифтонгомъ, литовск. daubrỹs «дебрь, eine von Bergen eingeschlossene tiefe Stelle» (Куршатъ).

Затѣмъ изъ числа примѣровъ, приведенныхъ Педерсеномъ для ъ изъ ь между согласными, остается ст. слав. дъска, русск. доска, польск. deska, гдѣ гласная ъ, слѣдовательно, можетъ быть возводима къ общеслав. эпохѣ, «aus lat. discus, d. tisch»; но dъska, какъ слово заимствованное, именно поэтому не можетъ служить яснымъ примѣромъ измѣненія ь въ ъ, такъ какъ у насъ нѣтъ достаточнаго основанія утверждать, что *dъska произошло изъ *dьska, а не имѣло съ самаго начала *dъ для передачи иностраннаго *di* съ *d* болѣе твердымъ, чѣмъ то, какое употреблялось въ общеслав. языкѣ передъ мягкими гласными. Кромѣ того, даже и допуская возможность происхожденія *dъska изъ *dьska, мы не извлекли бы отсюда указанія для объясненія условій образованія *-tъ* изъ *-tь* въ 3-мъ л. глаголовъ: вѣдь и русскій языкъ имѣлъ дъска, съ ъ между согласными, между тѣмъ какъ въ окончаніяхъ 3-го лица русскій языкъ получилъ не *-tъ*, но *-tь*.

Бругманъ, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, стр. 591 и 466, соглашаясь съ Вондракомъ, Бернекеромъ и Педерсеномъ во взглядѣ на происхожденіе ст. слав. *-mъ* въ 3-мъ л. изъ *-tь*, указываетъ, какъ на однородный случай, на ст. слав. отъ, образовавшееся будто-бы изъ *otь и тождественное съ др. индійск. ati «черезъ»; по отношенію къ связи значеній онъ приводитъ др. индійск. atirēkas «избытокъ, остатокъ», ст. слав. отълѣкъ «остатокъ». Однако, въ виду того, что въ другихъ случаяхъ въ ст. слав. языкѣ гласная ь въ концѣ словъ оставалась не измѣненною въ ъ въ то время, когда уже существовало ъ въ отъ, мы не имѣемъ основанія вѣрить въ происхожденіе отъ изъ *otь. Для отъ давно уже предложено другое объясненіе, противъ котораго нельзя, мнѣ кажется, представить какія-нибудь возраженія: отъ сопоставлено было (Боппомъ и другими) съ др. индійск. átas «отсюда», а мы знаемъ теперь, что въ общеслав. языкѣ конечное *-os*, черезъ по-

средство -*us* давало дѣйствительно -ъ [1]). Въ ст. слав. памятникахъ, какъ извѣстно, отъ при употребленіи въ качествѣ предлога всегда имѣетъ ъ въ концѣ, не пишется от, въ отличіе отъ об при *о* и отъ без бес, из ис и т. д. (при очень рѣдкомъ -*зъ*); но въ приставкѣ мы находимъ при отъ- также и от-, а сопоставленіе между собою древнѣйшихъ памятниковъ по отношенію къ употребленію от- не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что от- рядомъ съ болѣе употребительнымъ отъ- существовало и въ эпоху появленія ст. слав. письменности, т. е. раньше того времени, когда началась въ языкѣ фонетическая утрата слабыхъ ъ и ь между согласными. Такимъ образомъ необходимо признать въ ст. слав. отъ, отъ- и от- два различныхъ по происхожденію слова (сравн. напр. Мелье, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I, стр. 167), а подобно тому какъ с г. слав. об и об- при обь-, без бес и без- бес- и т. т. д. еще въ общеслав. языкѣ имѣли подвижную гласную въ концѣ (какъ показываетъ для *ob- общеслав. измѣненіе *ob-v въ *ob-, напр. въ ст. слав. облакъ, польск. obłok, русск. оболочка), такъ и от- должно было быть извѣстно еще въ общеславянскую эпоху съ подвижною гласною въ концѣ, что̀ видно и изъ ст. слав. *о-* «от-» (напр. въ глаголѣ оходити «отходить»), получившагося при извѣстномъ положеніи изъ *ot- тогда же (въ общеславянск. языкѣ), когда и изъ *ob- явилось **o*, ст. сл. *о* «объ, об-». Въ статьѣ «Составъ Остромирова евангелія» (Сборникъ статей посвященныхъ почитателями В. И. Ламанскому, часть вторая, стр. 1439 и слѣд.) я изложилъ уже мое мнѣніе относительно происхожденія общеслав. подвижныхъ ъ и ь въ концѣ частичныхъ, несамостоятельныхъ словъ при тѣсномъ сочетаніи ихъ съ другими словами: подвижными являлись тѣ именно ъ и ь, которыя восходятъ къ гласнымъ, полученнымъ въ старомъ концѣ этихъ словъ, не передъ согласною, подлежавшею

---

1) Не очень давно и Мелье высказалъ мнѣніе, что -*mъ* въ отъ произошло изъ -*tos*; см. Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I, стр. 155.

затѣмъ фонетической утратѣ въ общеслав. языкѣ, и потому въ *отъ, имѣвшемъ -ъ изъ -*os*, конечная гласная не была подвижною, такъ же какъ въ предлогахъ на -*dъ*, напр. *nādъ, *podъ[1]), неподвижное ъ указываетъ на бывшую нѣкогда въ концѣ согласную (*s* или носовую). Въ виду *ob-, ст. слав. об-, изъ *obь-, которое частью продолжало сохраняться въ ст. слав. обь-, вполнѣ вѣроятнымъ является такого же рода фонетическое происхожденіе и для *ot-, ст. слав. от-, т. е. изъ *otь-, а это *otь- я сопоставляю прежде всего съ литовск. діалектическимъ ati- «от-», а затѣмъ и съ указаннымъ выше др. индійск. ati; въ ст. слав. языкѣ *отъ- при от-, если и было получено, не сохранилось, что̀ объясняется вліяніемъ со стороны отъ- и предлога̀ отъ, а приставка отъ- здѣсь въ значительной степени вытѣснила от-. Поэтому ст. слав. отълѣкъ (не встрѣчающееся въ древнѣйшихъ памятникахъ), хотя и тождественно по происхожденію съ др. инд. atirēkas, не можетъ, однако, указывать на фонетическое происхожденіе отъ- изъ *otь: приставка отъ- въ отълѣкъ замѣнила собою то от- (изъ *otь-), которое мы находимъ напр. въ отрокъ; сравн. литовск. ãtlaikas «остатокъ».

Бругманъ въ Kurze vergleichende Grammatik, стр. 467, находитъ ст. слав. конечное ъ изъ ŭ также и въ объ при др. индійск. abhi «къ». Но въ тѣхъ памятникахъ старославянскаго письма, которые не смѣшиваютъ вообще ъ и ь, объ не извѣстно: въ предлогѣ является обыкновенно *о* при рѣдкомъ об, напр. въ об онъ полъ, а въ приставкѣ мы паходимъ кромѣ об- и *о*- также и обь- (примѣры для обь- въ Зографскомъ евангеліи см. въ Archiv f. slav. Phil. II, 251). Впослѣдствіи стали писать въ церковно-славянскихъ памятникахъ объ и объ- при об, об-, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ написаній отъ и отъ- при от-, но въ это время буква ъ въ объ, какъ и въ отъ, уже не выражала гласной.

---

1) Понятно, что въ ст. слав. прѣстоити при прѣдъстоити или въ прѣстолъ и тому подобныхъ случаяхъ прѣ- не изъ прѣдъ-, но изъ стараго *per-, сравн. польск. prze- напр. въ przewidzieć «предвидѣть».

Изъ книги Щепкина «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги», вышедшей въ свѣтъ въ 1899 г., стр. 230, можно видѣть, что и я признавалъ прежде происхожденіе ст. слав. *-тъ* въ 3-мъ л. изъ *-tь*, именно въ ед. и множ. ч. настоящаго времени, въ отличіе отъ *-тъ* въ такихъ образованіяхъ аориста, какъ ꙗтъ, оумрѣтъ и т. под.[1]). Я не могъ объяснить себѣ тогда въ качествѣ діалектическаго старославянскаго явленія то измѣненіе *ь* въ концѣ словъ въ *ъ*, какое засвидѣтельствовано Остромировымъ евангеліемъ и Саввиною книгой, не смѣшивающими вообще буквъ *ь* и *ъ*, въ употребленіи написанія *-мъ* при *-мь* въ творит. пад. ед. ч. и въ 1-мъ л. ед. ч., и предположилъ поэтому, что еще въ общеслав. языкѣ слабое *ь* въ концѣ словъ при тѣсномъ сочетаніи ихъ въ рѣчи съ другими словами, т. е. въ зависимости отъ извѣстныхъ условій «sandhi» (передъ твердою гласною, какъ я думалъ), переходило въ *ъ*: такое общеслав. *ъ*, какъ фонетическій варіантъ стараго *ь*, я видѣлъ въ *-tъ* при *-tь* въ 3-мъ л. настоящ. времени, а равно и въ другихъ случаяхъ, напр. въ -mъ при -mь въ творит. пад. ед. ч. и въ 1-мъ л. ед. ч. При такой гипотезѣ, однако, должно было оставаться загадочнымъ, почему всѣ извѣстные намъ памятники старославянскаго письма имѣютъ въ 3-мъ л. *-тъ* (о рѣдкихъ примѣрахъ для *-ть* я говорю далѣе), между тѣмъ какъ въ творит. пад. ед. ч. Кіевскіе листки и Зографское евангеліе знаютъ только *-мь*, которое послѣдовательно пишется въ Зографскомъ евангеліи также и въ 1-мъ л. ед. ч., за исключеніемъ лишь двухъ случаевъ[2]) (въ Кіевскихъ листкахъ нѣтъ этой формы), да и въ Саввиной книгѣ, памятникѣ старославянскаго письма, при *-мъ* въ этихъ формахъ мы находимъ нерѣдко и *-мь*; съ другой стороны, Остромирово евангеліе, хотя и представляетъ напр. послѣдовательное употребленіе написанія *-мъ* въ 1-мъ л. ед. ч. имамъ, имаамъ при *-мь* въ ѥсмь, дамь

1) Для *-тъ* въ аористѣ я предлагалъ то же въ сущности объясненіе, какое изложено мною далѣе въ этой статьѣ по отношенію къ всякому ст. слав *-тъ* въ 3-мъ л.

2) См. Видемана Beitrage zur altbulgarischen Conjugation, стр. 4 и 6.

и т. д., имѣетъ, однако, въ 3 мъ л. ед. и множ. ч. настоящ. вр. *-тъ* и лишь въ очень рѣдкихъ исключеніяхъ *-тъ*, а это *-тъ*, какъ я объясню далѣе, перенесено въ Остромирово евангеліе изъ старославянскихъ рукописей.

Въ настоящее время я считаю совершенно несомнѣннымъ, что измѣненіе конечнаго *ъ* въ *ъ* въ такихъ случаяхъ, какъ *-мъ* изъ *-мь* въ творит. пад. и въ 1-мъ л. ед. ч., было явленіемъ возникшимъ въ части ст. слав. діалектовъ (чуждымъ напр. языку Зографскаго евангелія) и потому не имѣющимъ хронологической связи съ происхожденіемъ *ъ* въ *-тъ* въ 3-мъ л.; кромѣ того, какъ я вижу теперь, ст. слав. діалектическое измѣненіе конечнаго *ъ* въ *ъ* въ такихъ случаяхъ, какъ *-мъ* при *-мь* въ творит. пад. и въ 1-мъ л. ед. ч., и по фонетическимъ условіямъ не можетъ служить намъ для объясненія процесса образованія *-тъ* въ 3-мъ л., еслибъ мы предположили, что это *-тъ*, по крайней мѣрѣ въ формахъ настоящ. вр., произошло изъ *-ть*.

Въ части ст. слав. діалектовъ въ ту эпоху, когда *ъ* и *ь* вообще различались, слабое *ь* въ концѣ словъ послѣ согласной изъ старой полумягкой (съ полумягкостью, вызванною положеніемъ передъ мягкою гласною), не мягкой согласной, фонетически переходило въ слабое *ъ* съ отвердѣніемъ согласной при положеніи именно послѣ твердой гласной, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ твердой гласной не предшествовалъ мягкій неслоговой звукъ [1]). Особенно ясно видно это изъ употребленія *-мъ* при *-мь* въ творит. пад. ед. ч. въ Саввиной книгѣ и въ Остромировомъ евангеліи. Щепкинъ, «Разсужденіе», стр. 230, опредѣляетъ для Саввиной книги въ именномъ склоненіи 70 случаевъ формы творит. пад. ед. ч. на *-омъ* при 18 примѣрахъ для *-омь* и 31 случай формы на *-емь* при 11 примѣ-

1) Особо стоятъ, понятно, тѣ случаи, въ которыхъ мы находимъ въ Остромировомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ *ъ* въ концѣ словъ послѣ мягкихъ по происхожденію согласныхъ *ш, ж, ч, шт, жд*, такъ какъ послѣ этихъ согласныхъ пишется *ъ* при *ь* въ тѣхъ же памятникахъ также и не въ концѣ словъ (съ извѣстными различіями между Остром. еванг. и Савв. кн. по отношенію къ употребленію такого *ъ*).

рахъ для *-емъ*; въ положеніи послѣ *ъ* отмѣчены въ таблицѣ у Щепкина 10 случаевъ *-мь* въ творит. пад. и 12 *-мъ*, но надо имѣть въ виду, что въ число этихъ 12 примѣровъ для *-ъмъ* входитъ Гл҃жщьмъ, написанное 6 разъ съ сохраненіемъ по традиціи буквы *ъ* послѣ *щ*, между тѣмъ какъ въ живомъ языкѣ, отразившемся въ Саввиной книгѣ въ употребленіи буквы *ъ* при *ь* послѣ *щ* въ другихъ случаяхъ, здѣсь существовала гласная *ъ*, что̀ передано въ написаніи Гл҃жщъмъ, встрѣчающемся одинъ разъ. Въ склоненіи мѣстоименій старое *-мь* въ творит. пад. ед. ч. сохранено въ Саввиной книгѣ, по счету Щепкина, въ 53 случаяхъ и только въ 10 примѣрахъ замѣнено окончаніемъ *-мъ*; фонетически во всѣхъ случаяхъ въ творит. пад. мѣстоименій должно было сохраняться *-мь*, такъ какъ оно находилось въ положеніи или послѣ мягкой гласной *и*, или послѣ *ѣ*, которое, какъ цѣлое сочетаніе *е͡а* или *ъ͡а*, не вліяло подобно твердымъ гласнымъ на измѣненіе слѣдовавшей за нимъ группы «полумягкая согласная + слабое *ъ*» въ концѣ слова въ «твердую согласную + слабое *ъ*». Въ прилагательныхъ опредѣленныхъ, имѣющихъ вообще въ Саввиной книгѣ стянутыя формы, старое *-ѣмь* изъ *-ѣимь* во всѣхъ 12 примѣрахъ является въ видѣ *-ѣмъ*, съ *-мъ* вмѣсто *-мь* послѣ твердой гласной; два раза написано *-мъ* и послѣ *и* въ творит. пад. прилагательныхъ опредѣленныхъ, подъ вліяніемъ формы на *-ѣмъ*.

Въ Остромировомъ евангеліи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ творит. пад. ед. ч. именъ съ основами на *о* имѣетъ передъ падежнымъ суффиксомъ гласную *о*, не *ъ*, обыкновенно является *-омъ* вмѣсто стараго *-омь*, именно не менѣе 16 разъ, какъ показываютъ примѣры, собранные Козловскимъ въ «Изслѣдованіи о языкѣ Остромирова евангелія», стр. 118, а для *-омь* приведены у Козловскаго только 5 случаевъ. Для творит. пад. на *-емь* Козловскій даетъ 24 примѣра, хотя и творит. на *-емъ* встрѣчается сравнительно нерѣдко: 18 разъ; въ одномъ мѣстѣ въ Остромировомъ евангеліи написано пѫтьмъ творит. пад., но во всѣхъ другихъ случаяхъ сохранено конечное *ъ* въ *-ѫмь*. Отношеніе между написаніями *-емь* и *-емъ* по

количеству примѣровъ для *-емъ* показываетъ, что въ Остромировомъ евангеліи въ значительно бо́льшей степени, чѣмъ въ Саввиной книгѣ, форма творит. пад. на *-омъ*, съ фонетическимъ *ъ*, оказала вліяніе на замѣну *-мь* черезъ *-мъ* въ формѣ на *-емь*, но свидѣтельствомъ того, что послѣ мягкой гласной и въ Остромировомъ евангеліи фонетически сохранялось *-мь* въ творит. пад., служатъ образованія этого падежа въ склоненіи мѣстоименій и прилагательныхъ опредѣленныхъ (въ формѣ на *-ѣимь*): въ этихъ образованіяхъ, т. е. послѣ мягкой гласной *и* и послѣ *ѣ*, Остромирово евангеліе въ многочисленныхъ примѣрахъ имѣетъ въ окончаніи творит. пад. ед. ч. *-мь* и только въ видѣ рѣдкихъ исключеній *-мъ*, напр. одинъ разъ имъ, одинъ разъ съ нимъ и др. (см. у Козловскаго тамъ же). Въ кажущемся противорѣчіи съ появленіемъ *ъ* изъ *ь* въ формѣ творит. пад. на *-омъ* въ Остромировомъ евангеліи находятся очень употребительныя здѣсь образованія творит. пад. на *-ѣмь*, вездѣ съ *ь* въ концѣ, но это противорѣчіе объясняется, конечно, тѣмъ, что образованія на *-ѣмь* въ именахъ съ основами на *-о* (а таковы почти всѣ примѣры формы творит. пад. на *-ѣмь* въ Остромировомъ евангеліи), хотя и существовали еще въ старославянскихъ оригиналахъ памятника[1]), принадлежали по происхожденію ихъ въ текстѣ старому діалекту, въ которомъ конечное *ь* при всякомъ положеніи сохранялось безъ измѣненія въ *ъ*, и оставались чуждыми діалектамъ, имѣвшимъ въ творит. пад. этихъ именъ форму на *-омъ* изъ *-омь*.

Съ *-мъ* изъ *-мь* въ творит. пад. ед. ч. въ Остромировомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ однородно по фонетическимъ условіямъ происхожденія и *-мъ* въ 1-мъ л. ед. ч. Въ Остромировомъ евангеліи, какъ я замѣтилъ уже, мы находимъ 1-е л. ед. ч. имамъ, имаамъ во всѣхъ многочисленныхъ примѣрахъ употребленія этого глагола, т. е. съ фонетическимъ *-мъ* изъ *-мь* послѣ

1) Форму творит. пад. на *-ѣмь* отъ именъ съ основами на *-о* въ Остромировомъ евангелии нельзя объяснять исключительно вліяніемъ русскаго языка; противъ такого мнѣнія свидѣтельствуетъ очень значительное количество случаевъ употребленія этой формы въ памятникѣ (сравн. ниже, стр. 38).

твердой гласной, но дамъ изъ дамь не сохранилось здѣсь и замѣнено образованіемъ дамь подъ вліяніемъ *-мь* въ 1-мъ л. ед. ч. прочихъ глаголовъ съ односложными основами, фонетически сохранявшихъ *-мь* (одинъ разъ вмѣсто вѣмь въ 1-мъ л. ед. ч. написано вѣмъ) [1]). Въ Саввиной книгѣ глаголъ есмь, т. е. ѥсмь, пишется послѣдовательно съ ъ въ концѣ въ многочисленныхъ примѣрахъ, и только разъ мы находимъ есмъ въ 1-мъ л. ед. ч. (вѣроятно, описка); съ есмь однородно и нѣсмь, съ ъ во всѣхъ примѣрахъ. Глаголъ ѥмь (гдѣ вмѣсто ѥ возможно было бы и ѣ, сравн. напр. 1-е л. множ. ч. ѣмъ) встрѣчается въ этомъ памятникѣ лишь одинъ разъ въ формѣ 1-го л. ед. ч, съ ъ въ концѣ, а въ прочихъ глаголахъ на старое *-мь* Саввина книга представляетъ колебаніе въ употребленіи написаній *-мь* и *-мъ* въ 1-мъ л. ед. ч.: вѣмь, дамь, имамь и вѣмъ, дамъ, имамъ; слѣдовательно, подъ вліяніемъ фонетическаго *-мъ* изъ *-мь* послѣ твердой гласной въ дамъ и имамъ то же *-мъ* могло переноситься въ языкѣ Саввиной книги и въ вѣмъ вмѣсто вѣмь (и, конечно, также въ *ѥмъ или *ѣмъ), но есмь = ѥсмь и нѣсмь были защищены отъ такого вліянія, вѣроятно потому, что имѣли передъ *-мь* полумягкое *с* (съ полумягкостью въ положеніи передъ полумягкою согласною).

Къ примѣрамъ измѣненія сочетанія «полумягкая согласная + слабое ъ» въ концѣ словъ послѣ твердой гласной въ «твердую согласную + слабое ъ» принадлежатъ въ Остромировомъ евангеліи также и несклоняемыя прилагательныя или нарѣчія правъ ὀρθῶς 102[г] и 223[б] и свободъ въ соотвѣтствіи съ греч. ἐλεύθεροι 29[а], 29[б] и 72[в], которыя иначе представлялись бы намъ непонятными по употребленію ъ вмѣсто ъ въ памятникѣ, строго раз-

1) Въ 1-мъ л. множ. ч наст. вр. глаголовъ на *-мь* съ односложными основами обыкновенно является въ Остромировомъ евангеліи *-мь* вмѣсто *-мъ* подъ вліяніемъ ед. ч., а этому вліянію способствовало, вѣроятно, то, что въ ед. ч. нѣкоторыхъ глаголовъ на *-мь* (дамь, вѣмь, ѣмь) существовало прежде въ данномъ ст. слав. нарѣчіи колебаніе въ употребленіи окончаній *-мь* и *-мъ*; сравн. Саввину книгу.

личающемъ вообще ъ и ь; сюда же принадлежитъ ъ изъ стараго ь въ парѣчіи отинѫдъ 105⁶, которое въ другомъ мѣстѣ, 236⁶, написано отинѫдь. Также и въ Саввиной книгѣ мы находимъ ъ въ правъ ὀρθῶς на л. 55⁶ (на л. 130ª Саввина книга имѣетъ право въ соотвѣтствіи съ правъ въ Остром. евангеліи); слова изъ стараго свободь нѣтъ въ этомъ памятникѣ, а въ отинѫдь, встрѣчающемся разъ (въ соотвѣтствіи съ отинѫдь, отинѫдъ въ Остром. евангеліи), сохранена буква ь. Въ оудобь (не оудобы написано ь два раза въ Остромировомъ евангеліи и разъ въ Саввиной книгѣ; въ этомъ случаѣ употребленію полумягкой согласной, а потому и гласной ь, способствовало, можетъ быть, вліяніе со стороны полумягкаго *б* въ оудобѣе.

Что касается сочетанія «полумягкая согласная+ь» въ концѣ словъ послѣ твердой гласной въ именит. и винит. пад. ед. ч. именъ, напр. въ тать, брань, то понятно, что вліяніе другихъ падежей, имѣвшихъ ту же полумягкую согласную передъ гласною *и* или передъ ъ внутри словъ, препятствовало тому, чтобы въ именит. и винит. пад. ед. ч. вошла въ употребленіе фонетическая форма, съ твердою согласною и съ ъ, тамъ, гдѣ это требовалось фонетическимъ положеніемъ. Но исключеніемъ изъ указаннаго мною фонетическаго правила являются въ Остромировомъ евангеліи и въ Саввиной книгѣ также и образованія мѣстнаго пад. ед. ч. на *-омь*, напр. въ томь, ономь. Въ Остромировомъ евангеліи *-омь* въ окончаніи мѣстн. пад. мѣстоименій и прилагательныхъ опредѣленныхъ пишется во всѣхъ примѣрахъ, за единственнымъ исключеніемъ исходащимъ, мѣстн. пад., на л. 261ᵇ. Въ Саввиной книгѣ старое *-мь* въ окончаніи мѣстн. пад. ед. ч. также обыкновенно сохраняетъ ъ не измѣненнымъ въ ъ, и только семь разъ написано здѣсь въ этой формѣ *-мъ*. Одинъ изъ этихъ случаевъ— исходащимъ, являющееся въ томъ же мѣстѣ евангельскаго текста, гдѣ мы находимъ его и въ Остромировомъ евангеліи. Въ этомъ случаѣ, повидимому, перенесена изъ стараго оригинала ошибка въ употребленіи буквы ъ вмѣсто ь, а прочіе примѣры мѣстн. пад. на *-мъ* въ Саввиной книгѣ: 3 раза послѣ *о*, 2 раза

послѣ *є* и *і* разъ, въ прилагат. опредѣленномъ, послѣ *ѣ*, представляютъ собою, вѣроятно, позднѣйшее смѣшеніе *-мь* съ *-мъ* подъ вліяніемъ того чередованія *-мь* и *-мъ*, какое существовало въ языкѣ Саввиной книги въ творит. пад. ед. ч.; сравн. въ этомъ памятникѣ подъ тѣмъ же вліяніемъ *-мь* вмѣсто *-мъ*, частью съ передѣлкою буквы *ь* въ *ъ*, въ рядѣ примѣровъ въ дательн. пад. множ. ч. (подобные случаи, но въ меньшемъ количествѣ, встрѣчаются и въ Остромировомъ евангеліи). Итакъ, надо думать, что въ старославянскихъ діалектахъ, измѣнявшихъ фонетически конечное сочетаніе «полумягкая согласная + слабое *ъ*» въ «твердую согласную + слабое *ъ*», образованіе мѣстн. пад. ед. ч. на *-омъ* изъ *-омь* не вошло въ употребленіе, но было вытѣснено образованіемъ на *-омѣ* подъ вліяніемъ *-мь* въ *-емь*. Причиною этого вліянія было то, что мѣстн. пад. на *-емь* въ мѣстоименныхъ словахъ (если даже мы оставимъ въ сторонѣ *-емь* въ прилагательныхъ опредѣленныхъ) употреблялся въ языкѣ значительно чаще, чѣмъ мѣстн. пад. на *-омь*, которое въ данныхъ діалектахъ должно было измѣняться фонетически въ *-омъ*; такъ, въ Саввиной книгѣ, по счету Щепкина, при 79 примѣрахъ формы мѣстн. пад. мѣстоименій на старое *-емь* (въ двухъ мѣстахъ оно написано *-емъ*) только 20 разъ встрѣчается мѣстн. пад. на старое *-омь* (три раза написано *-омъ*). Кромѣ того, можно думать, что форма творит. пад. ед. ч., сохранявшая фонетически *ь* въ *-мь* не измѣненнымъ въ *ъ* во всѣхъ мѣстоименіяхъ (вслѣдствіе фонетическаго положенія) въ тѣхъ же діалектахъ, способствовала тому, что и въ мѣстн. пад. ед. ч. мѣстоименій фонетическое *-мъ* изъ *-мь* послѣ *о* не удерживалось въ языкѣ и было вытѣсняемо болѣе частымъ по употребленію окончаніемъ *-мь*, существовавшимъ въ формѣ на *-емь* и однороднымъ съ *-мь*, безъ фонетическаго варіанта *-мъ*, въ творит. пад. ед. ч. какъ тѣхъ мѣстоименій, которыя оканчивались въ этой формѣ на *-имь*, такъ и тѣхъ, которыя имѣли въ творит. пад. *-ѣмь*.

Я старался внимательно разсмотрѣть всѣ доводы, какими подкрѣпляютъ свое мнѣніе сторонники того взгляда, по которому

ст. слав. -*тъ* въ 3-мъ л. глаголовъ представляетъ собою видоизмѣненіе стараго -*ti* изъ общеиндоевроп. -*ti*, но я не могъ признать сколько-нибудь убѣдительнымъ ни одинъ изъ этихъ доводовъ и долженъ былъ отказаться отъ прежняго своего объясненія ст. слав. -*тъ* въ 3-мъ л. ед. и множ. ч. настоящ. вр. А если у насъ нѣтъ данныхъ, которыя позволяли бы намъ возводить ст. слав. -*тъ* въ настоящ. вр. къ общеиндоевроп. -*ti*, то, слѣдовательно, по отношенію къ -*тъ* въ 3-мъ и 2-мъ л. ед. ч. аориста, напр. въ ѩтъ, питъ и др., мы не имѣемъ достаточнаго основанія предполагать, что это -*тъ* перенесено въ аористъ изъ настоящ. вр., хотя трудно, конечно, сомнѣваться въ тождествѣ по происхожденію -*тъ* въ настоящ. вр. и въ аористѣ. Употребленіе -*тъ* во 2-мъ л. ед. ч. аориста легко объясняется, какъ извѣстно, тѣмъ, что при образованіи безъ -*тъ* форма 2-го л. ед. ч. аориста тѣхъ же глаголовъ, напр. ѩ, пи, совпадала съ формою 3-го л. ед. ч., вслѣдствіе чего ѩтъ, питъ при ѩ, пи и т. д. въ 3-мъ л. ед. ч. вызывали появленіе образованій ѩтъ, питъ и т. д. также и во 2-мъ л. ед. ч. Мелье, признавая невѣроятнымъ перенесеніе -*тъ* въ формы аориста изъ настоящ. времени, думаетъ, что въ аористѣ -*тъ* можетъ восходить къ общеиндоевроп. окончанію 2-го л. ед. ч. перфекта, являющемуся въ др. индійск. -*tha*, греч. -$\vartheta\alpha$, съ такимъ же присоединеніемъ въ концѣ суффикса -*s*, заимствованнаго изъ другихъ глагольныхъ формъ 2-го л. ед. ч., какое мы находимъ въ греч. -$\vartheta\alpha\varsigma$, т. е. -*тъ* въ аористѣ, по мнѣнію Мелье, могло получиться изъ того -*tos*, которое однородно было по образованію съ греч. -$\vartheta\alpha\varsigma$ (см. Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I, стр. 134 и слѣд.). Такое объясненіе, однако, на мой взглядъ не удовлетворительно уже потому, что общеиндоевроп. перфектъ вообще не сохранился въ славянскихъ языкахъ (вѣдѣ по происхожденію форма перфекта, но въ этомъ глаголѣ перфектъ получилъ значеніе praesens'a еще въ общеиндоевроп. языкѣ), и непонятными представлялись бы тѣ мотивы, какіе вызвали именно въ 2-мъ л. ед. ч. замѣну старой формы сигматическаго аориста формою перфекта.

При томъ же я не могу признать убѣдительными возраженія Мелье противъ обычнаго взгляда на ѣатъ, питъ и т. д. какъ на образованія сигматическаго аориста. Мелье обращаетъ вниманіе на различіе между *-cmъ* въ аористахъ дастъ, ѣстъ и *-mъ* въ ѣатъ, питъ, оумрѣтъ и т. д.; это различіе вполнѣ объяснялось бы при его гипотезѣ (а въ бъıстъ онъ видитъ новообразованіе, см. стр. 140), между тѣмъ какъ, по мнѣнію Мелье, оставалось бы непонятнымъ, почему формы сигматическаго аориста, сохранившія ст. слав. *с* въ дастъ, ѣстъ, бъıстъ, утратили этотъ звукъ въ образованіяхъ ѣатъ, питъ, оумрѣтъ и т. под. Ильинскій еще раньше, чѣмъ Мелье, останавливался на вопросѣ о происхожденіи различія между *-cmъ* напр. въ аористѣ дастъ и *-mъ* напр. въ ѣатъ и пришелъ къ тому заключенію, что формы ѣа, пи и т. д., а потому и ѣатъ, питъ, представляютъ по происхожденію образованія общеиндоевроп. аориста несигматическаго (см. Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. V, стр. 191 и слѣд.). Я согласенъ съ тѣми возраженіями, какія представляетъ Мелье (стр. 141) противъ гипотезы Ильинскаго, но думаю, что различіе между *-cmъ* въ аористѣ дастъ или ѣстъ и *-mъ* въ ѣатъ, питъ, оумрѣтъ можетъ быть понято и при взглядѣ на тѣ и другія образованія какъ на формы сигматическаго аориста. Присутствіе *с* въ ст. слав. формахъ аориста дастъ, ѣстъ (ѣстъ), бъıстъ при да, ѣ (ѣ) и при бъı (употреблялось въ вспомогательномъ глаголѣ условнаго наклоненія) свидѣтельствуетъ, что тотъ подвижной формативный слогъ, который является въ ст. слав. *-mъ* въ дастъ и т. д., существовалъ въ этихъ формахъ въ общеславянскомъ языкѣ еще раньше того времени, когда конечное *s* во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. сигматическаго аориста стало фонетически отпадать (а отпаденіе конечнаго *t*, взрывной согласной, въ *-st* въ 3-мъ л. ед. ч. произошло въ болѣе древнюю эпоху). Легко понять, что въ то время, когда конечное *s* получило фонетическую подвижность и когда явилось поэтому колебаніе въ употребленіи напр. формъ аориста *dā^{s} (при 1-мъ л. ед. ч. *dāxъ), *pī^{s} (при 1-мъ л. *pīxъ), *mer^{s} (при

1-мъ л. *merхъ, ст. слав. мрѣхъ), со слабымъ конечнымъ *s*, и *dā, *pī, *mer, безъ этого *s*, возможными становились при параллельныхъ формахъ съ *-tъ*: *dāstъ, *pistъ, *merstъ, такія новообразованія, безъ *s* передъ *t*, какъ: *dātъ, *pītъ, *mertъ. Въ глаголахъ на *-ǫ* въ 1-мъ л. ед. ч. наст. вр. новообразованія типа *pītъ, *mertъ или *jętъ при *pī, *mer, *ję во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. сигматическаго аориста вытѣснили собою старыя формы на *-stъ*, напр. *pīstъ, подъ вліяніемъ формъ съ подвижнымъ *-tъ* въ 3-мъ л. ед. ч. наст. вр, напр. *vedetъ при *vede, *gorītъ при *gorī и т. д.: отношеніе напр. между *pītъ и *pī было однородно съ тѣмъ, какое являлось въ значительно бо́льшемъ количествѣ случаевъ и чаще въ наст. вр. глаголовъ на *-ǫ*, т. е. напр. въ *gorītъ при *gorī или въ *vedetъ при *vede. Что же касается глаголовъ съ односложными основами на *-mь* въ 1-мъ л. ед. ч. наст. вр., то въ нихъ во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. сигматическаго аориста новообразованія типа *dātъ при *dā не сохранились и были вытѣснены старыми формами на *-stъ*, напр. *dāstъ при *dā, потому, что здѣсь *-stъ* поддерживалось вліяніемъ формъ 3-го л. ед. ч. наст. вр. на *-stъ* тѣхъ же глаголовъ, т. е. вліяніемъ формъ наст. вр.: *dāstъ, *i͡estъ, *jestъ, а въ *jestъ, кромѣ того, еще въ общеслав. языкѣ конечное *-stъ*, какъ и въ аористѣ, являлось подвижнымъ (ст. слав. ѥ, русск. *е* и т. д.).

Подвижное *-mъ* (*-cmъ* въ глаголахъ на *-mь*) во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. сигматическаго аориста существовало въ ст. слав. языкѣ, какъ извѣстно, лишь въ соединеніи съ односложными формами и при томъ не во всѣхъ глаголахъ на *-ѫ*, имѣвшихъ во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. сигматическаго аориста односложныя формы. Въ памятникахъ встрѣчаются, правда, единичные случаи употребленія *-mъ* и при неодносложныхъ формахъ аориста въ 3-мъ л. ед. ч., напр. въ Зографскомъ евангеліи Io. 12,16 прославитъ, гдѣ буквы *mъ* были впослѣдствіи выскоблены, въ Остромировомъ евангеліи Марк. 1, 9 крьститъ сѧ, въ Синайской псалтыри избавитъ пс. 17, 18 (въ предшествующей

строкѣ поѧтъ, а выше п(р)ѧтъ) и 33, 5, въ Ассемановомъ евангеліи Мат. 26, 10 съдѣлатъ, иногда и въ соединеніи съ формою аориста на -*е* (т. е. съ формою, не принадлежавшею по происхожденію сигматическому аористу), напр. въ Саввиной книгѣ 36[6] и 61[6] спѣтъ тѧ = съпасетъ тѧ, въ Евангельскихъ листкахъ Ундольскаго 2[6], въ послѣдней строкѣ спсетъ тѧ, въ Зографскомъ евангели Іо. 21, 23 речетъ (въ предшествующей строкѣ оумьрѣтъ вмѣсто оумьретъ); но всѣ эти случаи, какъ показываетъ крайняя рѣдкость ихъ въ памятникахъ, представляютъ собою частью ошибки письма, частью ошибочныя (не вошедшія въ употребленіе) новообразованія, вызванныя вліяніемъ формъ съ подвижнымъ -*тъ* въ аористѣ съ односложными основами и въ настоящемъ времени[1]) (сравн. Мелье въ указанной выше статьѣ, стр. 37). Не всѣ глаголы на -ѫ съ односложными формами 2-го и 3-го л. ед. ч. сигматическаго аориста допускали въ ст. слав. языкѣ, по свидѣтельству памятниковъ, присоединеніе къ этимъ формамъ подвижного -*тъ*; изъ памятниковъ намъ извѣстны такія образованія только въ тѣхъ глаголахъ на -ѫ, которые имѣли въ настоящ. времени основы на формативное -*е*, полученное подъ удареніемъ изъ общеслав. языка, и представляли во 2-мъ и 3-мъ л. ед. ч. сигматическаго аориста односложныя формы на слоговую гласную. Сюда принадлежатъ[2]): ѧтъ, клѧтъ и т. д. при основахъ наст. вр. име-, кльне-; оу-мрѣтъ (и оу-мьрѣтъ, съ ъ перенесеннымъ изъ наст. вр.), про-стрѣтъ (и про-стьрѣтъ), по-жрѣтъ при основахъ наст. вр. мьре-, стьре-, жьре-; питъ, по-витъ, обитъ (=об-витъ) при основахъ наст. вр. пьи-, вьи-, т. е. рьj-é-, vьj-é-, и пи-, ви- (съ *и* вмѣсто ъ передъ *j*), т. е. pijé-, vijé-; при-житъ въ Супрасльской рукописи 482, 27 (изданіе Северьянова) при основѣ наст. вр. живе-; пѣтъ при основѣ наст. вр. пои-, т. е. poj-é-; при измѣтъ сѧ въ Си-

1) Въ Савв. книгѣ одинъ разъ встрѣчается -*тъ* и въ 3-мъ л. ед. ч. имперфекта: запрѣщашетъ 77[a].

2) См. Видемана Beitrage zur altbulgarischen Conjugation, стр. 14 и слѣд.

пайской псалтыри 183 (ѫтроба моѣ ізмѣтъ сѧ οἱ νεφροί μου ἠλλοιώθησαν) не сохранилась основа наст. вр. того же глагола. Мы не находимъ, однако, -*тъ* не только въ такихъ образованіяхъ сигматическаго аориста, какъ о-тръ, съ слоговымъ *р*, но и послѣ слоговой гласной въ тѣхъ глаголахъ, которые имѣли въ наст. вр. основы на формативное -*je*, съ общеслав. удареніемъ корневого слога, или, именно въ станѫ, на формативное -*ne*, также съ общеслав. удареніемъ перваго слога; такъ, различные ст. слав. памятники въ рядѣ примѣровъ представляютъ всегда безъ -*тъ* формы аориста ста, въста, по-зна, за-кла, оу-мы, сравн. также вь-сѣ изъ въ-сѣ (отъ въ-сѣѫ) два раза въ Маріинскомъ евангеліи, Мат. 13, 25 и 31, и одинъ разъ всѣ въ Зографскомъ, Мат. 13, 25. Въ связи съ этими фактами объясняется, я думаю, постоянное отсутствіе -*тъ* въ формѣ аориста би, по-би, из-би, оу-би, въ отличіе отъ питъ или по-витъ, обитъ (=об-витъ)[1]). Правда, въ ст. слав. языкѣ глаголъ бити по образованію основы наст. вр. не отличался уже отъ глаголовъ пити, вити, лити, какъ показываетъ ъ въ бьк- при бик- (сравн. русск. бью), по общеслав. языкъ имѣлъ основу наст. вр. *bī̂-je (съ восходящимъ удареніемъ), засвидѣтельствованную словенскимъ глаголомъ bîjem, гдѣ изъ общеслав. восходящаго ударенія фонетически получилось въ данномъ положеніи словенское нисходящее ударѐніе. Съ bîjem однородны въ словенск. языкѣ: šîjem, сравн. малорусск. ши́ю (общеслав. *šīję, съ *ī* изъ *ȳ*, т. е. изъ стараго *ū*); brîjem, сравн. великорусск. бре́ю, бѣлорусск. бры́ю; po-cîjem, сравн. ст. слав. по-чиѫ, только съ *и*, не съ *ъ*; u-žîjem «пользуюсь», сравн. въ словарѣ В. Караджича хорватск. у̀жијēм; vpîjem, сравн. сербск. ва̀пијēм, у̀пијēм. Что же касается общеслав. глаголовъ съ основами наст. вр. на -ьје-, -ĭје (съ діалектическимъ *ĭ* изъ *ъ* передъ *j*), то въ словенск. языкѣ они являются

1) На отсутствіе -*тъ* въ аористѣ би обращаетъ вниманіе и Мелье, стр. 136.

съ перенесеннымъ удареніемъ, восходящимъ по качеству: gnijèm, lijèm, pijèm (при pijèm и pijȇm), vijem[1]).

Нельзя, конечно, предполагать, что тѣ ограниченія, какія мы находимъ въ ст. слав. памятникахъ по отношенію къ употребленію подвижного -*mъ* при односложныхъ формахъ 2-го и 3-го л. ед. ч. сигматическаго аориста, существовали въ языкѣ съ самаго начала, т. е. какъ только возникли въ аористѣ образованія съ тѣмъ подвижнымъ конечнымъ слогомъ, который является въ ст. слав. -*mъ*: различіе напр. между оумрѣтъ, съ -*mъ*, и закла, безъ -*mъ*, или между питъ и ста не можетъ быть первоначальнымъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что въ аористѣ подвижное -*tъ* даже и въ соединеніи съ односложными формами 2-го и 3-го л. ед. ч. получило съ теченіемъ времени извѣстныя ограниченія въ условіяхъ употребленія (хотя-бы еще ранѣе отдѣльнаго существованія ст. слав. языка). Но и тотъ фактъ, что въ ст. слав. языкѣ -*mъ* въ аористѣ могло присоединяться лишь къ односложнымъ формамъ 2-го и 3-го л. ед. ч., въ отличіе ихъ отъ формъ неодносложныхъ, въ свою очередь долженъ вызывать передъ нами вопросъ: таково ли было съ самаго начала употребленіе въ аористѣ того подвижного слога, который является въ ст. слав. -*mъ*? Трудно было бы, мнѣ кажется, понять происхожденіе этого -*mъ* въ соединеніи съ односложными формами аориста (даже если бы мы видѣли въ такихъ случаяхъ перенесеніе окончанія формы 3-го л. ед. ч. наст. вр) иначе, какъ при томъ предположеніи, что нѣкогда подвижной слогъ, являющійся въ ст. слав. -*mъ*, могъ присоединяться въ аористѣ или вообще въ прошедшемъ времени не только къ односложнымъ формамъ, но также и къ формамъ неодносложнымъ, и что затѣмъ (хотя-бы ранѣе отдѣльнаго существованія ст. слав. языка) онъ сохранялся лишь въ

---

1) Въ сербскомъ языкѣ общеслав. основы наст. вр на -ьj-é-, -ĭj-é- (съ ĭ изъ ь) и на -ī-je- совпали въ сербск. основахъ на -ӣje-, фонетически изъ -īje, напр. въ бӣjēм, пӣjēм и т. д; при этомъ вліяли и тѣ сербск. основы на -ӣje-, которыя восходятъ къ общеслав. основамъ на -ȳ-je-, напр. въ сербск. крӣjēм.

соединении съ односложными формами аориста подъ вліяніемъ стремленія приравнивать эти формы по числу слоговъ къ другимъ формамъ лица въ тѣхъ же аористахъ, тогда какъ при иныхъ условіяхъ это подвижное окончаніе вышло изъ употребленія въ прошедш. вр., такъ какъ сознавалось въ качествѣ принадлежности формы наст. вр. въ 3-мъ л. и единственнаго и множественнаго числа.

Употребленіе подвижного *-ts* въ ст. слав. аористѣ въ формѣ 3-го л. ед. ч., а потому и 2-го л. ед. ч., полученное, какъ я указывалъ выше, изъ общеслав. языка, напоминаетъ собою то явленіе, которое мы находимъ въ прусскомъ языкѣ въ окончаніи формы 3-го л., по происхожденію ед. ч., а по значенію также и множ. ч.[1]), въ прусскомъ прошедшемъ времени, полученномъ изъ общеиндоевроп. имперфекта и частью изъ аориста простого, не сигматическаго. Въ окончаніи 3-го л. въ прусскомъ прошедш. вр. являются: 1) конечная гласная основы, съ фонетическою утратою общеиндоевроп. личнаго суффикса *-t* въ концѣ слова, напр. въ imma «взялъ» (гдѣ *a* еще въ общебалт. эпоху замѣнило собою *e* подъ вліяніемъ тѣхъ формъ лица, которыя имѣли старое *a* изъ балт.-слав. *ā*), ebsignā «благословилъ», billa, гдѣ *a* изъ *ā*, «сказалъ», teikū «сотворилъ» (*ū* послѣ задненебной согласной изъ гласной *ō*, которая тамъ, гдѣ не вліяла на качество гласной предшествовавшая согласная, перешла въ *ā*), bhe ошибочно вмѣсто be=bē «былъ» (сравн. ст. слав. бѣ- въ бѣхъ, бѣ, и т. д.), weddē «привелъ» (сравн. ст. слав. ведѣ- въ имперфектѣ ведѣахъ[2]); 2) дифтонги *ai* (изъ *āi*), *āi* и *ēi*: widdai «увидѣлъ», per-pīdai «принесли», dai (=dāi) «далъ», postāi «сталъ», bēi «былъ»; 3) подвижное *-ts*, присоединенное къ формѣ 3-го л. первыхъ двухъ типовъ: immats при imma, billāts при billa,

---

1) Извѣстно, что еще въ общебалт. языкѣ форма 3-го л. ед ч. получила употребленіе и во множ. ч.

2) См. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. LXIV, Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи, стр. 56.

daits=dāits при dai=dāi; limatz «переломилъ» въ I. катихизисѣ[1]) и limuczt во II. катихизисѣ[2]) и ymmits, jmmitz «взялъ» въ I. катихизисѣ, ymmeits, ymmeyts во II. катихизисѣ[3]) предполагаютъ существованіе формъ безъ *-ts*: lima или limu (съ *u* изъ *ō* послѣ губной согласной), ymmi и ymmei: въ ymmi при imma въ III. катихизисѣ гласная *i* въ окончаніи основы вмѣсто *a* однородна съ *i* вмѣсто *a* напр. въ 3-мъ л. наст. вр. po-gaunı «получаетъ» въ III. катихизисѣ вмѣсто pogauna, сравн. po-gāunai (однородные случаи мы находимъ въ рядѣ примѣровъ въ 1-мъ л. множ. ч. наст. вр., см. Бернекера Die Preussiche Sprache, стр. 217), а въ ymmei *ei* изъ *iai* (иначе объясняетъ Бернекеръ, стр. 228), и отношеніе ymmi къ ymmei такое же, какъ въ 3-мъ л. наст. вр. въ turri «имѣетъ, долженъ» при turei (съ *ei* изъ *iai*) или въ pogaunı при en-gaunei.

Формы второго типа, приведенныя мною подъ цифрою 2, т. е. тѣ, которыя оканчивались на дифтонгъ, представляютъ собою балтійскія новообразованія, явившіяся вслѣдствіе присоединенія частички *-ai* къ формѣ 3-го л. прош. вр., подобно тому какъ и въ окончаніе 3-го л. наст. вр. могла входить въ прусскомъ языкѣ та же частичка, напр. въ pīdai «несетъ», po-gāunai «получаетъ», eb-immai «обнимаетъ» («въ себѣ», т. е. «заключаетъ»), гдѣ *-ai* изъ *-āi*, а послѣднее изъ *-a+ai*, или напр. въ turei «имѣетъ, долженъ», съ *-ei* изъ *-i-ai*; въ bēi «былъ» *-ēi* изъ *-ē+ai*. Сравн. въ литовскомъ языкѣ діалектическое *-ai* въ окончаніи формы 3-го л., напр. въ vystai «вянетъ», nu-szausai «застрѣлитъ» (см. Бругмана Grundriss II, стр. 1351 и Бернекера Preuss. Sprache, стр. 212). Поэтому и такія прусскія формы 3-го л. прош. вр., какъ daits, ymmeits, представляютъ собою также позднѣйшія новообразованія, т. е. напр. dai-=dāi- въ daits

---

1) Примѣры, приведенные мною выше, взяты изъ III катихизиса, т. е. изъ Enchiridion'a.

2) Въ III. катихизисѣ limauts, вѣроятно съ ошибочнымъ *au* подъ вліяніемъ предшествующаго dinkauts, о которомъ я говорю далѣе.

замѣнило собою старое dā-, подъ вліяніемъ того, что въ параллельной формѣ безъ *-ts* существовало въ языкѣ образованіе dāi при старомъ *dā. Но какъ произошли прусскія образованія 3-го л. прош. вр. типа immats при imma или billāts при billa? Прусское *-ts* явилось изъ *-tas*, съ фонетическою утратою *a* передъ *s* въ концѣ слова (сравн. напр. deiws «Богъ» при литовск. dẽvas и другіе подобные случаи), такъ какъ именно гласная *ā* передъ конечнымъ *s* не сохранялась въ прусскомъ языкѣ тамъ, гдѣ не препятствовало ея утратѣ стеченіе нѣкоторыхъ согласныхъ (такъ, въ именахъ на *-skas*, напр. laiskas «листъ», *a* сохранилось, см. Бернекера Preuss. Sprache, стр. 172) [1]). Но и ст. слав. *-mъ* въ 3-мъ и во 2-мъ л. ед. ч. аориста, напр. въ питъ, дастъ и др., также допускаетъ фонетическое объясненіе изъ нѣкогда бывшаго общеслав. *-tos*, и я думаю, что это прусск. *-tas*, *-ts* и общеслав. *-tъ* изъ *-tos*, ст. слав. *-mъ* въ аористѣ, дѣйствительно, имѣли общее происхожденіе, т. е. получены были изъ балт.-слав. подвижного *-tās*, приставлявшагося къ формѣ 3-го л. ед. ч. въ различныхъ образованіяхъ прошедшаго времени. Эта форма сама по себѣ оканчивалась на *-t* (изъ общеиндоевроп. личнаго суффикса *-t*), которое въ такомъ положеніи, въ концѣ словъ, было звукомъ слабымъ еще въ балт.-слав. эпоху и не сохранилось затѣмъ ни въ общебалтійскомъ языкѣ, ни въ общеславянскомъ, причемъ въ общеслав. языкѣ взрывная согласная въ концѣ словъ уже не существовала, какъ извѣстно (напр. въ *to), въ то время, когда *o* передъ конечною согласною стало измѣняться въ *u*, откуда ъ (напр. въ именит. и винит. пад. ед. ч. отъ основъ на *-o*). Я думаю, слѣдовательно, что въ балт.-слав. языкѣ въ различныхъ образованіяхъ прошедшаго времени 3-е л. ед. ч. имѣло, кромѣ старой формы на слабое *t*, напр. въ имперфектѣ

---

1) Для утраты *i* передъ *s* въ концѣ слова (предполагаемой Бернекеромъ, стр. 172, въ нѣкоторыхъ случаяхъ), по моему мнѣнію, нѣтъ достовѣрныхъ примѣровъ; въ такихъ образованіяхъ, какъ wertings, скорѣе можно видѣть утрату *a* (сравн. литовск. -ingas), а не того *i*, которое является въ wissemusīngis, niseilewingis.

*imeˀ (прусск. imma) или въ сигматическомъ аористѣ *dōsᵗ (ст. слав. да), также и новую форму на *-tâs* изъ *-ᵗtâs*, напр. въ *imetâs (прусск. immats), *dōstâs (ст. слав. дастъ), *pīstâs (общеслав. *pīstъ при *pī изъ *pīs, которое само въ 3-мъ л. изъ *pīsᵗ, было замѣнено образованіемъ *pītъ, ст. слав. питъ, см. выше, стр. 21). Въ этомъ балт.-слав. подвижномъ *-tâs* позволительно, мнѣ кажется, предполагать по происхожденію мѣстоименіе *tâs (литовск. tàs, ст. слав. тъ), которое могло быть присоединяемо къ глагольной формѣ 3-го л. сперва, понятно, лишь тамъ, гдѣ названное или подразумѣвавшееся подлежащее къ глаголу имѣло мужескій родъ. Присоединеніе мѣстоименія *tâs къ формѣ 3-го л. ед. ч. на старое *t* могло вызываться, между прочимъ, стремленіемъ сдѣлать глагольную форму болѣе выразительною, а надобность въ этомъ ощущалась потому, что въ формѣ 3-го л. ед. ч. на старое *t* формативная принадлежность, вносившая обозначеніе лица, была звукомъ слабымъ, который при тѣхъ или другихъ условіяхъ, можетъ быть, и вполнѣ исчезалъ.

Въ балт.-слав. образованіяхъ 3-го л. ед. ч. прош. вр. на *-tâs*, существовавшихъ рядомъ со старыми формами на слабое *t*, подвижное *-tâs* по самому происхожденію его не имѣло никакой связи съ значеніемъ прошедшаго времени въ глаголѣ; поэтому надо думать, что и къ другимъ балт.-слав. формамъ 3-го л. ед. ч. на слабое *t* (изъ общеиндоевроп. *-t*) могло быть присоединяемо то же -tâs тогда, когда оно стало употребляться при формѣ прошедш. вр. Балт.-слав. глаголы съ основами наст. вр. тематическаго спряженія получили, какъ извѣстно, изъ общеиндоевроп. языка въ 3-мъ л. ед. и множ. ч. наст. вр. не только личные суффиксы *-ti* и *-nti*, но также и *-t* и *-nt*, какъ свидѣтельствуютъ славянскіе и балтійскіе языки (послѣдніе для ед. ч.). Съ глаголами тематическаго спряженія однородны были въ этомъ отношеніи и тѣ балт.-слав. глаголы, которые въ настоящемъ времени принадлежали къ тематическому спряженію лишь по образованію формы 1-го л. ед. ч., между тѣмъ какъ въ другихъ лицахъ

заключали въ себѣ основы другого рода; таковы напр. глаголы съ балтійскими основами наст. вр. на *-i* (при основахъ инфинитива на *-ē*), напр. въ литовск. sėdi-, и со славянскими на общеслав. *-ī* съ прерывистою долготою (при основахъ инфинитива на общеслав. *-i͡e*, изъ *ē*, и на *-ī*, съ длительною долготою въ обоихъ случаяхъ), напр. въ ст. слав. сѣдѣ- или гори- и носи-, сербск. го̀рӣ-, но̏сӣ-. Но въ глаголахъ нетематическаго спряженія на *-mi* въ 1-мъ л. ед. ч. формы 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр. имѣли въ балт.-слав. языкѣ только личные суффиксы *-ti* и *-nti*, какъ это видно изъ языковъ балтійскихъ (по отношенію къ формѣ ед. ч.), старославянскаго и русскаго; правда, еще въ общеслав языкѣ при старомъ *jesth (о ст. слав. ѥстъ я говорю далѣе) существовала также и форма *je, откуда ст. слав. ѥ «есть», русск. *е* «есть» и т. д., но это *je легко объясняется какъ новообразованіе подъ вліяніемъ, съ одной стороны, формъ на *-e* при *-eth* и *-etъ* въ глаголахъ тематическаго спряженія, а съ другой, подъ вліяніемъ формы 3-го л. множ. ч. *ę (по тематическому спряженію) при *sǫth, *sǫtъ.

Итакъ, въ балт.-слав. языкѣ въ ту эпоху, когда напр. при старой формѣ 3-го л. ед. ч. имперфекта *imet^{t} явилось *imetâs (прусск. immats) изъ *ime^{t}-tâs, подобное же образованіе *imetâs (ст. слав. имѣтъ) получилось также и при формѣ 3-го л. ед. ч. наст. вр. *ime^{t}, съ личнымъ суффиксомъ изъ общеиндоевроп. *-t*. Противъ такого предположенія нельзя было бы указывать на то, что въ настоящемъ времени тѣ же балт.-слав. глаголы имѣли также образованіе на *-ti*, съ ясною формативною принадлежностью формы 3-го л. ед. ч. Употребленіе въ балт.-слав. образованіяхъ 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр. не только личныхъ суффиксовъ *-ti* и *-nti*, но (въ глаголахъ, имѣвшихъ форму 1-го л. ед. ч. по тематическому спряженію) также и *-t* и *-nt* заставляетъ думать, что тѣ и другія образованія нѣкогда различались по употребленію въ балт.-слав. языкѣ и что такія формы на *-t* и *-nt* сохраняли въ большей или меньшей степени принадлежавшее имъ по происхожденію значеніе формъ не

времени, а наклоненія; впослѣдствіи еще въ балт.-слав. эпоху произошло, вѣроятно, смѣшеніе тѣхъ и другихъ образованій по значенію, хотя, быть можетъ, и не во всѣхъ случаяхъ, но въ это время формы 3-го л. ед. ч. наст. вр. на *-ti* (въ глаголахъ не на *-mi*) и на *-tâs* могли уже принадлежать не однимъ и тѣмъ же діалектамъ, а различнымъ, какъ и впослѣдствіи, по крайней мѣрѣ въ общеславянскомъ языкѣ и въ старославянскомъ (см. ниже), по отношенію къ употребленію тѣхъ и другихъ образованій существовали различія между отдѣльными діалектами.

Въ литовскомъ языкѣ и въ латышскомъ мы находимъ въ 3-мъ л. (по происхожденію ед. ч.) наст. вр. глаголовъ на общебалтійское *-ō* въ 1-мъ л. ед. ч. только тѣ образованія, которыя восходятъ къ старымъ формамъ на слабое *t*, съ фонетическою утратой этой согласной. Тѣ же образованія обыкновенно употреблялись въ этихъ глаголахъ въ 3-мъ л. наст. вр. также и въ прусскомъ языкѣ, при чемъ въ окончаніи такихъ прусскихъ формъ, какъ и въ 3-мъ л. прош. вр., нерѣдко могъ являться дифтонгъ, получавшійся вслѣдствіе присоединенія частички *-ai* къ глагольной формѣ на гласную, напр. giwa «живетъ», billa (*a* изъ *ā*) «говоритъ», quoitē «хочетъ», turri «имѣетъ, долженъ»; eb-immai «обнимаетъ», peisāi «пишетъ», turei (*ei* изъ *iai*) при turri и др. Но при quoitē мы встрѣчаемъ въ III. катихизисѣ одинъ разъ (84) также и po-quoitēts, съ *-ts* въ наст. вр., для передачи нѣмецкаго «begeret». Однородна, мнѣ кажется, форма dīnkauts, dinkauts въ двухъ мѣстахъ въ III. катихизисѣ (41), dinkautzt, dinkauczt во II. катихизисѣ; Нессельманъ и Бернекеръ видѣли въ этой формѣ прошедшее время, но нѣмецкій текстъ имѣетъ въ обоихъ мѣстахъ «dancket». Въ dīnkauts отъ глагола dīnkaut дифтонгъ *au* такого же происхожденія, какъ и въ 1-мъ л. множ. ч. dīnkaumai «благодаримъ» при dinkauimai, т. е., повидимому, вмѣсто *awi* (съ *i* въ окончаніи основы наст. вр.); сравн. въ 3-мъ л. наст. вр. безъ *-ts* образованія на *-awi*, *-aui* въ глаголахъ на *-aut*: pri-gerdawi, wūkawi, wē-

raui, per-surgaui (см. Бернекера Preuss. Sprache, стр. 215). Въ I. катихизисѣ является dinkowats, dinkowatz тамъ, гдѣ въ III. катихизисѣ dīnkauts и dinkauts, во II. dinkautzt и dinkauczt; это dinkowats, хотя и передаетъ нѣмецк. «dancket», представляетъ собою, можетъ быть, форму прошедш. вр., а отступленіе отъ нѣмецкаго оригинала въ I. катихизисѣ (въ отличіе его отъ II. и III.) могло быть вызвано тѣмъ, что въ оригиналѣ рядомъ съ «dancket» въ обоихъ мѣстахъ находятся глаголы въ прошедш. вр. («dancket vnd brachs vnd gabs»; «dancket vnd gab»). Подвижное *-ts* въ окончаніи 3-го л. наст. вр. является въ III. катихизисѣ не только въ po-qoitēts и, можетъ быть, въ dīnkauts, но также два раза въ astits «есть» вмѣсто обыкновеннаго ast: въ этомъ случаѣ *-tas*, *-ts* присоединено къ формѣ на *-ti*, и такое образованіе надо объяснять, конечно, вліяніемъ формы 3-го л. наст. вр. съ подвижнымъ окончаніемъ изъ балт.-слав. *-tâs* въ другихъ глаголахъ, т. е. въ тѣхъ, гдѣ *-tâs* было присоединено къ формѣ 3-го л. наст. вр. на балт.-слав. слабое *t* (въ глаголахъ не на *-mi* въ 1-мъ л. ед. ч.).

Общеславянскій языкъ въ различныхъ его діалектахъ, какъ свидѣтельствуютъ отдѣльные славянскіе языки, продолжалъ сохранять въ 3-мъ л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ на *-ǫ* тѣ образованія, которыя въ балт.-слав. языкѣ оканчивались на слабое *t* (изъ общеиндоевроп. *-t*), т. е. имѣлъ напр. *vede, *gorī, *nosī и т. д., гдѣ слабое *t* въ концѣ словъ фонетически не могло сохраняться. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ общеслав. языкѣ получены были въ тѣхъ же глаголахъ также и болѣе полныя формы 3-го л. ед. ч. наст. вр., на балт.-слав. *-ti* и *-tâs* (изъ *-ᵗtâs*), при чемъ между діалектами являлось различіе въ употребленіи того или другого изъ этихъ окончаній: одни изъ общеслав. діалектовъ имѣли формы на *-tь*, т. е. на старое *-ti*, при болѣе краткихъ образованіяхъ, безъ личнаго суффикса (т. е. съ утратою слабаго *t* въ концѣ), напр. *vedetь, *gorītь при *vede, *gorī, *nosī (др. русск. ведеть при веде и т. д.), другіе рядомъ съ болѣе краткими формами, безъ личнаго суффикса, употребляли

образованія на балт.-слав. *-tâs*, измѣнившееся фонетически въ общеслав. языкѣ въ *-tos*, *-tus* и далѣе въ *-tъ;* отсюда ст. слав. формы 3-го л. ед. ч. наст. вр. на *-тъ* въ глаголахъ на *-ѫ*, напр. ведетъ, горитъ, носитъ и т. д. при веде, гори, носи, при чемъ въ ст. слав. языкѣ (и, можетъ быть, еще въ діалектахъ общеслав. языка) образованія на *-тъ*, особенно въ глаголахъ съ основами наст. вр. на *-и*, значительно преобладали по употребленію надъ болѣе краткими формами, безъ *-тъ*.

Въ 3-мъ л. множ. ч. наст. вр. балт.-слав. глаголы, имѣвшіе образованіе 1-го л. ед. ч. по тематическому спряженію, получили изъ общеиндоевр. языка, какъ я говорилъ уже, оба вида личнаго суффикса: *-nti* и *-nt*, соотвѣтственно съ *-ti* и *-t* въ ед ч. Въ общеслав. языкѣ балт.-слав. образованія на *-nt*, со слабымъ *t*, въ 3-мъ л. множ. ч. наст. вр такихъ глаголовъ продолжали сохраняться въ различныхъ діалектахъ и дали существованіе общеслав. формамъ на *-ǫ* и на *-ę* (изъ *ēn*), напр. въ *vedǫ, *gorę, *nosę, а въ тѣхъ общеслав. діалектахъ, которые въ ед. ч. имѣли въ этихъ глаголахъ форму на *-tь* изъ *-ti* при болѣе краткой, безъ личнаго суффикса, также и въ 3-мъ л. множ. ч при образованіяхъ *vedǫ и т. д. извѣстны были и болѣе полныя формы, на *-ǫtь* и на *-ętь*, изъ балт.-слав. формъ на *-nti*, напр. *vedǫtь, *gorętь, *nosętь (др. русск. ведуть, горять, носять при веду, горя, нося, хотя формы 3-го л. множ. ч. типа веду были вытѣснены впослѣдствіи изъ употребленія формами 1-го л. ед. ч. на *-у*). Что же касается общеслав. діалектовъ, имѣвшихъ въ 3-мъ л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ на *-ǫ* формы на *-tъ* при болѣе краткихъ, безъ *-tъ* (т. е. на балт.-слав. слабое *t*), то и во множ. ч. они употребляли такое же *-tъ*, въ формахъ на *-ǫtъ*, *-ętъ*, при болѣе краткихъ, безъ *-tъ* (на балт.-слав. *-nt*); отсюда въ ст. слав. языкѣ образованія на *-ѫтъ*, *-ѧтъ*, напр. ведѫтъ, горѧтъ, носѧтъ, рядомъ съ которыми существовали въ діалектахъ и болѣе краткія формы, на *-ѫ* и, вѣроятно, на *-ѧ* (оузьрѧ въ Саввиной книгѣ 125[a]). Прусскій языкъ не можетъ дать намъ никакихъ указаній отно-

сительно происхожденія ст. слав. *-mъ* въ 3-мъ л. множ. ч. наст. вр. глаголовъ на *-ѫ*, но едва-ли слишкомъ смѣлымъ было бы предположеніе, что это *-mъ* представляетъ собою по происхожденію окончаніе перенесенное во множественное число подъ вліяніемъ формы 3-го л. ед. ч.: я думаю, что еще въ балт.-слав. эпоху, когда подвижное *-tâs* въ 3-мъ л. ед. ч. являлось уже по значенію принадлежностью полной формы 3-го л. ед. ч., такія образованія, какъ *imetâs или *vedetâs при *ime^{t}, *vede^{t} въ ед. ч. наст. вр., вызвали употребленіе того же подвижного *-tâs* также и въ соединеніи съ формою 3-го л. мн. ч. наст. вр., такъ что напр. по аналогіи съ *imetâs при *ime^{t} въ ед. ч. настоящ. вр. явилось и при *imân^{t} во множ. ч. наст. вр. образованіе *imântâs въ качествѣ болѣе полной формы 3-го л. множ. ч. Конечно, такое употребленіе балт.-слав. *-tâs* въ наст. вр. заставляло бы думать, что однородныя образованія съ подвижнымъ *-tâs* допускались въ балт.-слав. языкѣ также и въ 3-мъ л. множ. ч. прошедш. вр., т е. что напр. при формѣ стараго имперфекта *imân^{t} извѣстно было и *imântâs или при -sin^{t}, изъ общеиндоевроп. -sa̯nt, въ окончаніи 3-го л. множ. ч. сигматическаго аориста являлось и -sintâs, но у насъ нѣтъ фактовъ, которые могли бы подтверждать или опровергать такое предположеніе: въ прусскомъ языкѣ, какъ и вообще въ балтійскихъ языкахъ, исчезли балт.-слав. образованія 3-го л. множ. ч., а въ ст. слав. языкѣ не могло бы сохраниться *-mъ* изъ балт.-слав. *-tâs* въ 3-мъ л. множ. ч. прошедш. вр., такъ какъ и въ 3-мъ л. ед. ч. прошедш. вр., въ отличіе отъ формы настоящ. вр., старое подвижное *-mъ* въ ст. слав. языкѣ (и, вѣроятно, еще въ общеславянскомъ) сохранялось, какъ мы видѣли, лишь въ соединеніи съ нѣкоторыми *односложными* глагольными формами. Поэтому же отсутствіе подвижного *-mъ* въ 3-мъ (или въ 3-мъ и 2-мъ) л. ед. ч. ст. слав. повелительнаго наклоненія, полученнаго изъ общеиндоевроп. оптатива (на *-t* въ 3-мъ л. ед. ч.), напр. въ веди, не давало бы намъ права дѣлать какое-либо заключеніе относительно употребленія *-tâs* въ балт.-слав. формѣ 3-го л. ед. ч. оптатива;

что же касается прусскаго языка, то до насъ не дошли примѣры формы 3-го л. ед. ч. прусскаго повелительнаго наклоненія изъ балт.-слав. оптатива. Если въ балт.-слав. языкѣ допускалось присоединеніе подвижного *-tâs* къ формамъ 3-го л. оптатива, то въ ст. слав. языкѣ мы могли бы ждать употребленіе *-тъ* такого происхожденія только въ односложной формѣ *би* въ 3-мъ л. ед. ч., а потому и во 2-мъ л. ед. ч., такъ какъ ст. слав. бимь, би и т. д. въ вспомогательномъ глаголѣ условнаго наклоненія представляютъ собою, надо думать, старый оптативъ[1]); при этомъ би нѣтъ, правда, битъ, но и при бъı (форма сигматическаго аориста по происхожденію) въ вспомогательномъ глаголѣ условнаго наклоненія не употреблялось образованіе бъıстъ. Безъ *-тъ* находимъ мы въ ст. слав. языкѣ и односложную форму 3-го л. множ. ч. бѫ въ вспомогательномъ глаголѣ условнаго наклоненія (о происхожденіи бѫ см. напр. Вондрака Vergleichende Slavische Grammatik, II, стр. 164). Въ бѫдѫ «да будутъ» форма глагола не односложная и по отсутствію подвижного *-тъ* однородна съ 3-мъ л. множ. ч. простого аориста (изъ стараго имперфекта), напр. идѫ.

Я говорилъ, что въ балт.-слав формахъ 3-го л. ед и множ. ч. наст. вр. общеиндоевроп. личные суффиксы *-t* и *-nt* (съ балт.-слав. слабымъ *t*), при суффиксахъ *-ti* и *-nti*, употрєблялись именно въ тѣхъ глаголахъ, которые или заключали въ себѣ основы тематическаго спряженія или имѣли, по крайней мѣрѣ, форму 1-го л ед. ч. наст. вр. по тематическому спряженію. Поэтому въ общеслав. языкѣ въ 3-мъ л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ на *-тъ* во всѣхъ діалектахъ были получены образованія только съ балт.-слав. суффиксомъ *-ti*, откуда общеслав. *-tь*, напр. въ *jestь, *dāstь и др., а относительно общеслав. формы *je при *jestь я объяснилъ уже (стр. 29), какимъ именно пу-

---

1) Бругманъ, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, стр. 502, примѣч, иначе объясняетъ би- въ бимь и т. д, но см. возраженія Вондрака въ Vergleichende Slavische Grammatik, II, 163.

темъ возникло это новообразованіе[1]). Въ 3-мъ л. множ. ч. наст. вр. общеслав. глаголовъ на -mь только глаголъ *jesmь представлялъ форму по тематическому спряженію: *sǫtь при *sǫ (съ утратою слабаго *t*) въ однихъ діалектахъ, а въ другихъ *sǫ и *sǫtъ (въ балт.-слав. языкѣ извѣстно было, вѣроятно, и *senti, сравн. причастную основу -sent- въ прусскомъ языкѣ при балт.-слав. основѣ *sânt- напр. въ ст. слав. сѫшт-), а въ прочихъ общеслав. глаголахъ на -mь во всѣхъ діалектахъ получено было въ 3-мъ л. множ. ч. наст. вр., какъ и въ ед. ч., только балт.-слав. -*ti*, откуда общеслав. -*tь*, въ окончаніи формы, т. е. какъ въ общеслав образованіяхъ на -*ętь* (съ *ę* изъ *en* или частью изъ того *ьn*, которое само изъ общеиндоевроп. *a̯n̥*), такъ и въ jьmǫtь, *ĭmǫtь (гдѣ *ǫ* изъ *ān*).

Слѣдовательно, ст. слав. -*mъ* въ 3-мъ л. ед. и множ. ч. наст. вр. глаголовъ на -*mь*, за исключеніемъ формы сѫтъ, однородной напр. съ ведѫтъ, замѣнило собою старое -*tь* подъ вліяніемъ -*mъ* въ окончаніяхъ 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр. въ многочисленныхъ глаголахъ на -ѫ въ 1-мъ л. ед. ч. Вполнѣ возможнымъ считаю я, что еще въ общеслав языкѣ въ тѣхъ діалектахъ, которые имѣли -*tъ* въ 3-мъ л. глаголовъ на -*ǫ*, началось уже употребленіе -*tъ* вмѣсто стараго -*tь* въ наст. вр. глаголовъ на -mь, напр. въ *jestъ при *jestь, но во всякомъ случаѣ -*tь* въ этихъ формахъ, хотя-бы и при -*tъ*, получено было ст. слав. діалектами, имѣвшими -*mъ* въ 3-мъ л. наст. вр. другихъ глаголовъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ памятники ст. слав. письма, которые показываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что подъ вліяніемъ смѣшенія окончаній -*сть* и -*стъ* въ наст. вр. глаголовъ на -*мь* возможно было и въ аористѣ употребленіе формы на -*сть* вмѣсто стараго -*стъ*. Саввина книга при обыкновенномъ -*тъ* въ 3-мъ л.

---

1) Въ связи съ общеслав. *je при *jestь находится и *nie (ст. слав. нѣ и т. д.) при *nie͡stь. Болѣе позднее новообразованіе я вижу въ рѣдкомъ ст. слав вѣ «знаетъ», встрѣчающемся одинъ разъ въ Супрасльской рукописи (382, 17 Северьян.), Соболевскій въ «Изслѣдованіяхъ въ области русской грамматики», стр 80 приводитъ вѣ изъ Архангельскаго евангелія (1092 г, русскаго письма).

ед. и множ. ч. глаголовъ на -ѫ и на -*мь* представляетъ 14 разъ написаніе -*тъ* въ ед. ч., при чемъ въ пяти случаяхъ буква *ь* была передѣлана затѣмъ въ *ъ*, а въ прочихъ девяти сохранена. Случаи эти, приведенные Щепкинымъ въ «Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги», стр. 228, слѣдующіе. есть 1 разъ и есть(ъ) 1 разъ, нѣсть 2 раза и нѣсть(ъ) 2 раза, вѣсть 2 раза, бысть 1 разъ, дасть εδωκεν 1 разъ, моудить, мьнить, ходить(ъ), о̑тъпоустить(ъ) по одному разу. Такимъ образомъ изъ 14 примѣровъ для -*ть* въ 3-мъ л. ед. ч. въ Саввиной книгѣ 10 мы находимъ въ глаголахъ на -*мь*, а изъ нихъ 8 въ формѣ наст. вр. и 2 въ аористѣ; 4 раза написано было -*ть* вмѣсто обыкновеннаго -*тъ* и въ 3-мъ л. ед. ч. глаголовъ на -ѫ, но не случайно, конечно, то, что всѣ эти 4 примѣра являются въ глаголахъ съ основами наст. вр. на -*и*, и я объясняю это -*ить* такъ: глаголы съ основами наст. вр. на -*и* имѣли связь съ большинствомъ глаголовъ на -*мь* въ образованіи формы 3-го л. множ. ч., а такъ какъ въ этихъ глаголахъ на -*мь* при старомъ -ѧ*ть* употреблялось и новое -ѧ*тъ*, то потому и въ глаголахъ съ основами наст. вр. на -*и* при старомъ -ѧ*тъ* въ 3-мъ л. множ. ч. возможно было и новое -ѧ*ть*, что̀ въ свою очередь вызывало и въ 3-мъ л. ед. ч. тѣхъ же глаголовъ употребленіе -*ить* при -*итъ* (по аналогіи съ -*ть* при *тъ* въ 3-мъ л. ед. ч. глаголовъ на -*мь*). То обстоятельство, что въ Саввиной книгѣ, не смѣшивающей вообще, за единичными исключеніями, буквъ *ъ* и *ь*, 14 разъ написано было -*ть* въ окончаніи 3-го л. ед. ч., и при томъ въ опредѣленныхъ категоріяхъ глаголовъ, не можетъ быть объясняемо иначе, какъ вліяніемъ живого говора; вліяніе это по отношенію къ -*ть* обнаруживается, правда, въ сравнительно немногихъ примѣрахъ, но потому, конечно, что писецъ въ такихъ случаяхъ отступалъ отъ того написанія (*тъ*), которое онъ находилъ въ оригиналѣ, и поэтому же, я думаю, буква *ь* въ *ть* въ 3-мъ л. была исправлена писцомъ въ *ъ* тамъ, гдѣ онъ обратилъ вниманіе на сдѣланное имъ отступленіе отъ написаній оригинала (а -*тъ* при -*ть* въ подобныхъ случаяхъ извѣстно было писцу и изъ живого языка).

Съ показаніями Саввиной книги относительно случаевъ употребленія -*тъ* въ 3-мъ л. согласуются и тѣ факты, какіе мы находимъ въ Супрасльской рукописи, хотя въ этомъ памятникѣ въ глагольныхъ окончаніяхъ и въ падежныхъ суффиксахъ часто пишется ѣ и вмѣсто стараго ъ. Мнѣ извѣстны въ Супрасльской рукописи (по изданію Северьянова) слѣдующіе случаи написанія -*тъ* въ 3-мъ л. ед. ч. вмѣсто обыкновеннаго -*тѣ* (страницу 131-ю я оставляю въ сторонѣ, такъ какъ на этой страницѣ отъ слова еша въ 9-ой строкѣ до конца буква ъ употребляется вообще и вмѣсто ѣ): кѣстъ и кѣсть 99, 16 (въ этомъ мѣстѣ лигатура въ -*тъ*); 366, 25; 396, 21; 424, 30; 490, 23; имать 238, 25; аористъ дастъ 249, 5; осолитъ сѧ 260, 1; молитъ 395, 2 [1]). И въ этомъ памятникѣ, слѣдовательно, какъ и въ Саввиной книгѣ, примѣры для рѣдкаго -*тъ* вмѣсто -*тѣ* въ 3-мъ л. ед. ч. встрѣчаются только въ глаголахъ на -*мь* (преимущественно въ ѥсть) и, въ двухъ случаяхъ, въ тѣхъ глаголахъ на -ѫ, которые имѣли основы наст. вр. на -*а*. Въ Ассемановомъ евангеліи, какъ извѣстно, буквы ѣ и ъ вообще смѣшиваются, и потому тотъ фактъ, что въ 3-мъ л. ед. ч. вмѣсто -*тѣ* 34 раза, по счету Видемана, написано здѣсь -*тъ* (см. Видемана Beitrage zur altbulgarischen Conjugation, стр. 11), самъ по себѣ не былъ бы для насъ интересенъ, но онъ получаетъ значеніе, какъ скоро мы обратимъ вниманіе на распредѣленіе этихъ случаевъ по различнымъ категоріямъ глаголовъ: оказывается, что 25 разъ -*тъ* въ 3-мъ л. ед. ч. является въ глаголахъ на -*мь*, именно чаще всего въ есть, затѣмъ въ пѣсть, дасть, въздасть, прѣдасть, сънѣсть, бысть Слово ѥсть, въ глаголическомъ написаніи есть, встрѣчается въ отдѣльныхъ примѣрахъ и въ другихъ памятникахъ старославянскаго письма (см. у Видемана, стр. 11 и 12). Въ Зографскомъ евангеліи есть Мат. 13. 32

1) На бо́льшую часть этихъ случаевъ мнѣ указалъ С. Н. Северьяновъ У Видемана, Beitrage zur altbulgarischen Conjugation, стр. 11, надо исключить въ примѣрахъ изъ Супрасльской рукописи: подасть (на стр 131 рукописи, въ послѣдней строкѣ), нѣсть и ѥсть (въ изданіи Северьянова въ указанныхъ мѣстахъ нѣстъ и ѥстъ)

представляетъ едва-ли не единственный достовѣрный примѣръ для *-ть* въ 3-мъ л., но надо принять во вниманіе, что въ этомъ памятникѣ въ значительномъ рядѣ случаевъ нельзя различить буквы *ъ* и *ь* въ окончаніяхъ 3-го л.; за исключеніемъ есть Мат. 13, 32, всѣ другіе примѣры для *-ть* въ 3-мъ л., приведенные Ягичемъ въ Archiv f. slav. Phil. II, 245, а равно и тѣ, на которые указываетъ Вдеманъ (стр. 11), отмѣчены въ изданіи Зографскаго евангелія какъ написанія съ неясною буквою въ концѣ (*ъ* или *ь*). Такимъ образомъ памятники ст. слав. письма (такъ называю я для краткости ст. слав. памятники ст. слав. письма), свидѣтельствуя, что въ 3-мъ л. сд. ч наст. вр. глаголовъ на *-мь* окончаніе *-тъ*, напр. въ кстъ, зъ отличіе отъ *-тъ* въ глаголахъ на *-ѫ*, напр. въ ведетъ, замѣнило собою болѣе древнее *-ть*, подтверждаютъ мое мнѣніе относительно различія по происхожденію окончаній *-ть* и *-тъ* въ 3-мъ л. наст. вр.

Но въ ст. слав. языкѣ существовали и такіе діалекты, которые во всѣхъ глаголахъ, на *-ѫ* и на *-мь*, имѣли формы на *-ть*, изъ общеслав. *-ti*, въ 3-мъ л. сд. и множ. ч. наст. вр. Къ такому заключенію необходимо придти на основаніи фактовъ, представляемыхъ Остромировымъ евангеліемъ и другими древними ст. слав памятниками русскаго письма. Въ моей статьѣ «Составъ Остромирова евангелія» (см. выше, стр. 10) я уже указалъ на то, что въ Остромировомъ евангеліи только первые 24 листа (т. е. 23 листа текста, такъ какъ на первомъ листѣ помѣщено изображеніе евангелиста) представляютъ послѣдовательное измѣненіе ст. слав. написаній по произношенію русскаго писца и что тѣ же листы имѣютъ и нѣкоторыя другія особенности, по которымъ они выдѣляются изъ цѣлаго памятника, что было замѣчено и Козловскимъ въ его «Изслѣдованіи о языкѣ Остромирова евангелія». Что же касается главной части этого памятника, т. е. всѣхъ листовъ 25—294, то, оставляя въ сторонѣ формы 3-го л. ед. и множ. ч. на *-ть*, мы не найдемъ здѣсь ни въ одной изъ тѣхъ категорій случаевъ, которыя представлены болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ примѣровъ, послѣдовательно проведенной замѣны

ст. слав. написаній другими, основывавшимися на русскомъ произношеніи или на компромиссѣ ст. слав. написаній съ русскимъ произношеніемъ. Такъ, ст. слав. *рь*, *ръ*, *лъ* тамъ, гдѣ въ др. русск. языкѣ имъ соотвѣтствовали сочетанія «*ьр*, *ър*, *ъл*» (напр. въ врьхъ, скръбь, длъгъ), сохранены безъ измѣненія въ большинствѣ примѣровъ въ главной части Остромирова евангелія (въ отличіе отъ предшествующихъ листовъ), а въ меньшемъ числѣ случаевъ замѣнены написаніями *ьр*˘, *ьрь* или, рѣже, *ьр* и т. д. Или напр. ст. слав. *-ѣа-* въ имперфектѣ въ главной части Остромирова евангелія обыкновенно сохраняется (напр. очень часто идѣаше) и только изрѣдка передается написаніемъ -ѧа- (напр. одинъ разъ идѧаше), гдѣ буква ѧ въ значеніи *а* послѣ смягченной согласной, между тѣмъ какъ на первыхъ листахъ, до 25-го, вмѣсто ст. слав. *-ѣа-* вездѣ написано -ꙗа-. Въ виду этихъ и подобныхъ имъ фактовъ [1]) странное исключеніе представляли бы собою въ Остромировомъ евангеліи формы 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр. на *-ть*, еслибъ мы предположили, что это *-ть* (хотя-бы за единичными исключеніями въ ед. ч. глаголовъ на *-мь*) внесено было въ Остромирово евангеліе изъ русскаго языка, не только на первыхъ 24-хъ листахъ (гдѣ мы имѣли бы право видѣть въ *-ть* вмѣсто *-тъ* вліяніе русскаго произношенія писца), но также и въ главной части памятника, на листахъ 25—294. Формы 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр. встрѣчаются въ главной части Остромирова евангелія, понятно, въ очень большомъ количествѣ примѣровъ и, однако, почти вездѣ онѣ имѣютъ въ окончаніи *-ть*, тогда какъ *-тъ* написано лишь нѣсколько разъ: идетъ 86^{а}, сп҃сетъ 224^{б}, знаѥтъ 244^{а}, отъпоущаѭтъ сѧ 67^{а} и 130^{в} (см. мою статью «Составъ Остромирова евангелія», стр. 1478) [2]).

---

1) Буква *ѣ* въ ѣмь, ѣсти и т. д. въ Остром. евангеліи перенесена изъ ст. слав. рукописей, см. «Составъ Остромирова евангелія», стр. 1478.

2) У Козловскаго, «Изслѣдованіе о языкѣ Остромирова евангелія», стр. 116, пропущенъ случай на л. 130^{в} (отъпоущаѭтъ ти сѧ), у Востокова въ Словоуказателѣ къ Остром. еванг. раширѧѭтъ 80^{а}—ошибка (въ рукоп. -ть), а ѥстъ на л. 219^{в} въ изданіи Востокова—опечатка (въ рукоп. -ть).

Въ 3-мъ и 2-мъ л. ед. ч. аориста глаголовъ на *-ти* съ односложными основами во всѣхъ примѣрахъ въ Остромировомъ евангеліи употребляется *-сть*, не *-стъ*: бысть, дасть, ѣсть (и прѣбысть, прѣдасть и г. д.). Можно допустить, что въ томъ ст. слав. оригиналѣ, къ которому восходитъ главная часть Остромирова евангелія, количество случаевъ *-тъ* въ 3-мъ л. ед. и множ. ч наст. вр. было больше того, какое мы находимъ въ русскомъ спискѣ, и что въ аористѣ при *-сть* употреблялось въ ст. слав. оригиналѣ также и *-стъ*, но необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что уже этотъ оригиналъ имѣлъ по бо́льшей части *ъ*, не *ъ* въ окончаніи данныхъ формъ. Поэтому и для первыхъ 24-хъ листовъ Остромирова евангелія у насъ нѣтъ достаточнаго основанія предполагать въ *-тъ* и *-стъ* въ 3-мъ л. вліяніе русскаго языка на употребленіе буквы *ъ* Слѣдовательно, Остромирово евангеліе свидѣтельствуетъ о такомъ ст. слав. нарѣчіи, въ которомъ формы 3-го л ед. и множ. ч. наст. вр. оканчивались на *-тъ*, полученное изъ общеслав. *-ti*, а отдѣльные случаи написанія *-тъ* могли быть внесены въ ст. слав. оригиналы Остромирова евангелія подъ вліяніемъ другихъ рукописей или передавали произношеніе того или другого изъ ст. слав. писцовъ. Также и въ 3-мъ и 2-мъ л. ед. ч. аориста глаголовъ на *-ти* съ односложными основами въ томъ же ст. слав. нарѣчіи употреблялось окончаніе *-сть*, хотя при *-стъ* извѣстно было, вѣроятно, и старое *-стъ*, изъ общеслав. *-stъ*; *-стъ* вмѣсто *-стъ* въ аористахъ дасть, ѣсть, бысть явилось подъ вліяніемъ *-стъ* въ дасть, ѣсть, ѣсть въ наст. вр. тѣхъ же глаголовъ. Но въ 3-мъ и 2-мъ л. ед. ч. аориста тѣхъ глаголовъ на *-ѫ*, которые еще въ общеслав. языкѣ допускали подвижное *-tъ* въ окончаніи, *-тъ* продолжало сохраняться не измѣненнымъ въ *-тъ* въ ст. слав. нарѣчіи, отразившемся въ Остромировомъ евангеліи; въ этихъ случаяхъ Остромирово евангеліе представляетъ во всѣхъ примѣрахъ написаніе *-тъ*, перенесенное изъ ст. слав. оригиналовъ, напр. въ ѣатъ, по-витъ, оу-мрѣтъ и др., и, слѣдовательно, на эти образованія, отличавшіяся и по основамъ отъ формъ наст. вр.

въ тѣхъ же глаголахъ, не распространялось вліяніе окончанія *-ть* въ наст. вр.

Тотъ выводъ, къ которому мы должны придти относительно ст. слав. діалектическаго *-ть* въ 3-мъ л. на основаніи Остромирова евангелія, подтверждается и рядомъ другихъ ст. слав. памятниковъ русскаго письма, а особенно важно въ данномъ вопросѣ свидѣтельство Новгородскихъ (Куприяновскихъ) евангельскихъ листовъ. Этотъ небольшой памятникъ (сохранились лишь два листа) содержитъ въ себѣ текстъ евангелія—апракоса, совпадающій съ текстомъ Остромирова евангелія, и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Остромирово евангеліе и Новгородскіе евангельскіе листы восходитъ къ одному общему для нихъ первоначальному оригиналу. Языкъ Новгородскихъ евангельскихъ листовъ новѣе языка Остромирова евангелія, какъ это видно напр. изъ того, что въ Новгородскихъ листахъ чаще пропускаются слабыя *ъ* и *ь* (напр. въ кто, дне, дни, небеснѣихъ). Но мы не находимъ въ этомъ памятникѣ ни одного случая смѣшенія юсовъ съ буквами, обозначавшими ст. слав. неносовыя гласныя; ст. слав. написанія *рь*, *ръ*, *лъ* тамъ, гдѣ имъ соотвѣтствовали въ др. русск. языкѣ сочетанія «*ъ* или *ь*+плавная» сохранены безъ измѣненія во всѣхъ примѣрахъ (съмрьти 1^6 и $1^г$, въ Остром. еванг. въ послѣднемъ мѣстѣ съмьрти; мрькнеть $2^а$. въ Остром. еванг. мьрькнеть; скрьби $2^а$; млънии $2^а$, въ Остром. еванг. мълнии). Если оставить въ сторонѣ окончаніе формъ 3-го л. наст. вр., то лишь одинъ случай въ Новгородскихъ листахъ можетъ дать намъ поводъ предполагать въ этомъ памятникѣ русское письмо, именно болиаше на л. $1^а$, съ иа вмѣсто ѣа (но ниже, на л. $1^б$, люблѣше), хотя нельзя, конечно, утверждать, что въ памятникѣ ст. слав. письма не было бы возможно такое написаніе даже и какъ рѣдкое исключеніе; вѣдь находимъ же мы въ Супрасльской рукописи 568, 25 (Северьян.) ошибочное образованіе приходѣахѫ. Миклошичъ, какъ извѣстно, относилъ Новгородскіе евангельскіе листы къ «паннонскимъ» памятникамъ, т. е. къ ст. слав. памятникамъ ст. слав.

письма, но въ виду того, что до насъ дошли отъ этого памятника лишь два листа, можно, конечно, не соглашаться съ мнѣніемъ Миклошича и предполагать въ Новгородскихъ листахъ русскую рукопись, при чемъ, однако, необходимо признать, что русскій писецъ, по крайней мѣрѣ на сохранившихся двухъ листахъ, чрезвычайно тщательно передавалъ написанія ст. слав. оригинала. На русское происхожденіе Новгородскихъ евангельскихъ листовъ можетъ указывать сходство ихъ во внѣшней сторонѣ съ Остромировымъ евангеліемъ при одинаковомъ отличіи обѣихъ этихъ рукописей по внѣшности отъ памятниковъ ст. слав. письма. Новгородскіе листы представляютъ отрывокъ изъ рукописи такой же роскошной (оглавленія къ евангельскимъ чтеніямъ писаны были золотомъ), какъ и русское Остромирово евангеліе, а различные памятники ст. слав. письма, дошедшіе до насъ, всѣ имѣютъ значительно болѣе простую внѣшнюю сторону. И вотъ въ памятникѣ, который могъ даже вызывать у славистовъ колебаніе относительно того, не слѣдуетъ ли признавать въ немъ рукопись старославянскую, а не русскую, мы находимъ 34 случая употребленія *-mъ* въ 3-мъ л. ед. и мн. ч. наст. вр. глаголовъ на *-мь* и на *-ѫ*[1]), тогда какъ *-mъ* написано только четыре раза, въ ед. ч. (болитъ два раза, ходитъ, видитъ, см. «Составъ Остромирова евангелія», стр. 1478). Эти факты не могутъ оставлять, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что ст. слав. нарѣчіе, отразившееся въ Новгородскихъ евангельскихъ листахъ (то же, что и ст. слав. нарѣчіе Остромирова евангелія), имѣло *-mь* въ окончаніяхъ 3-го л. ед. и множ. ч. наст. вр. Для формъ аориста на общеслав. *-stъ* Новгородскіе листы не даютъ намъ матеріала, за исключеніемъ единичнаго прѣбысть (сравн. Остром. еванг.), и здѣсь вовсе не встрѣчаются такія образованія аориста на общеслав. *-tъ*, какъ ѣтъ, по-витъ, оумрѣтъ и т. под.

---

1) См. Видемана Beitrage zur altbulgarischen Conjugation, стр. 12 и 24.

Признавая, что въ ст. слав. нарѣчіи, отразившемся въ Остромировомъ евангеліи и въ Новгородскихъ листахъ, всѣ глаголы имѣли въ 3-мъ л. ед. и множ. ч. окончаніе *-тъ*, полученное изъ общеслав. *-ti* (которое въ части общеслав. діалектовъ существовало во всѣхъ глаголахъ), я затруднился бы, однако, возводить непосредственно къ общеславянскому *-ǫti* ст. слав. *-ѫть* послѣ твердой согласной въ Остромировомъ евангеліи и въ Новгородскихъ листахъ, напр. въ имѫть, сѫть. Въ ст. слав. языкѣ Остромирова евангелія должно бы было получиться фонетически въ такихъ случаяхъ *-ѫть* по тому правилу, о которомъ я говорилъ выше (стр. 13), да и Новгородскіе листы также сохранили указаніе на дѣйствіе того же фонетическаго правила: въ творит. пад. ед. ч. мы находимъ здѣсь *-мъ* изъ *-мь* послѣ гласной *о* въ гласомъ великомъ $2^{б}$ при *-мь* послѣ мягкой гласной въ каменикмь $1^{в}$ и трѫбьнъимь $2^{б}$ [1]). Надо думать потому, что ст. слав. *-ѭть* послѣ твердой согласной въ 3-мъ л. множ. ч. въ Остром. евангеліи и въ Новгородскихъ листахъ вытѣснило собою фонетическое для даннаго нарѣчія *-ѫть* изъ *-ѫть* подъ вліяніемъ *-ть* въ *-ѣть* (послѣ гласной), въ *-ѫть* послѣ смягченной согласной и въ *-ѧть*, при чемъ могло вліять также и *-ть* въ 3-мъ л. ед. ч. Непосредственною причиною, по которой въ *-ѣть* и въ *-ѫть* послѣ смягченной согласной конечное *ъ* въ данномъ нарѣчіи фонетически не измѣнялось въ *ъ*, было, вѣроятно, не положеніе *ѫ* послѣ мягкаго неслогового звука, а то, что сама носовая гласная, обозначавшаяся буквою *ѫ*, послѣ мягкаго неслогового звука отличалась отъ *ѫ* послѣ твердой согласной и представляла собою соотвѣтственную лабіализованную гласную передняго ряда, а на такое ея качество

1) Творит. пад. мѹрѣмь $1^{а}$, съ *-мь* послѣ *ъ*, однороденъ съ подобными же формами, на *-ъмь*, въ Остромировомъ евангеліи, см. стр. 15 Въ мѣстн пад ед. ч. на *-мь* во всѣхъ пяти примѣрахъ является *ь* въ концѣ, не только послѣ мягкой гласной: на немьже $1^{б}$, о нѣмь $1^{а}$, по семь $1^{а-г}$, но и послѣ твердой: по томь $1^{б}$, о дни томь $2^{г}$; сравн. сказанное мною на стр. 18 относительно *-мъ* въ мѣстн. пад. въ Остромировомъ евангеліи и въ Савв. книгѣ.

указываютъ встрѣчающіеся въ различныхъ ст. слав. памятникахъ случаи ошибочнаго написанія буквы ѧ (ꙗ) вмѣсто ѫ (ѭ) послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ; въ Остромировомъ евангеліи сюда могутъ принадлежать по происхожденію аи҆чѧ 239^{б} νηστεύω и десѧтинѫ даꙗ 239^{г} ἀποδεκατόω (ошибка не была исправлена, такъ какъ смыслъ допускалъ въ этомъ мѣстѣ, Лук. 18, 12, употребленіе причастій). Съ другой стороны, впрочемъ, и носовая гласная ѧ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ была лабіализованною гласною передняго ряда, именно нижнею (соотвѣтственно съ качествомъ ѧ=ą въ другомъ положеніи), вслѣдствіе чего вмѣсто буквы ѧ (ꙗ) послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ писали иногда ошибочно ѫ (ѭ)[1]).

Ф. Фортунатовъ.

---

1) Сравн Щепкина «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги», стр. 78 и слѣд., гдѣ авторъ напрасно предполагаетъ, что и послѣ *с*, *з* (изъ старыхъ не мягкихъ *s* и *z*), *ст* и *зд* носовая гласная ѧ была лабіализованною.